

Владислав Дебрский

Три письма и тетрадь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Николаевич Дебрский

Три письма и тетрадь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468075

SelfPub; 2024

Аннотация

На чердаке старого дома найден тайник. В тайнике находился чемоданчик с тремя письмами и тетрадью. Их содержание публикуется в этой книге.

Владислав Дебрский

Три письма и тетрадь

От «автора» (предисловие)

Несколько лет назад мне довелось купить старый домик на окраине города. С большими предосторожностями, жить в нем было можно; каждый квадратный метр, от крыши до подвала, требовал ремонта. Средств, чтобы обновить дом в кратчайшие сроки и чужими руками, у меня, после покупки самого дома, не осталось. Я начал многолетнюю энерго- и нервозатратную перестройку. Временами, казалось, что и бессмысленную. Лет через пять после начала ремонта, пришёл черёд уборки на чердаке. Там я совершенно случайно обнаружил самый настоящий, искусно замаскированный, тайник. Если бы не моя небрежность в обращении с «болгаркой», я не могу сказать, нашёл бы я его когда-нибудь или нет. Из тайника я достал небольшой металлический чемоданчик, запёртый на кодовый замок. Чемоданчик был крепкий, надёжный, скорее всего, импортный. Я, конечно, решил, что эта находка, не что иное, как вполне заслуженная мною помощь Небес. Я сделал несколько попыток подобрать шестизначный код и воспользоваться отмычкой. Это оказалось пустой тратой времени. Можно было вскрыть чемоданчик пу-

тём грубого механического воздействия, но я хотел сохранить его первоначальный вид. Я думал о последствиях. Я ни минуты не сомневался, что чемоданчик имеет криминальное происхождение. И его уголовное прошлое не сулило мне безмятежного будущего. Я начинал нервничать при мысли о возможном ночном визите за чемоданчиком, который я уже считал своим, какого-нибудь беглого каторжника. Но потом, я принял волевое решение – считать владельца чемоданчика погибшим в бандитских разборках.

Находка чемоданчика изменила весь привычный ход моей жизни. Я прекратил все ремонтные работы по дому, самонадеянно полагая, что внутренности чемоданчика повысят моё благосостояние настолько, что вопрос реконструкции моего старого дома станет неактуальным. Я уже видел себя провинциальным графом Монте-Кристо, и только иногда мысли о настоящем хозяине клада возвращали меня в реальный мир.

От соседей по улице я узнал, что бабушка, продавшая мне этот дом, до моей покупки, сама здесь никогда не жила, и только несколько последних лет стала сдавать его жильцам. На нашей улице она ни с кем не общалась. Я знал, что старушка уже умерла, и на появившиеся у меня вопросы ответа мне никто не даст. Тут я вспомнил, как бабушка жаловалась на последнего жильца. Мужчина, лет сорока, оплатил ей аренду дома на полгода вперёд, а сам сюда ни разу не заглядывал. Бабушка уверяла меня, что дом пришёл в такое убогое состояние только потому, что последний пропавший

жилец никогда не отапливал и не проветривал дом. К окончанию оплаченного им срока, он так и не появился. Бабушка подождала ещё три месяца и выставила дом на продажу.

Любопытство, которое стубило не одну кошку, терзало меня без остановки. Я решился на вскрытие моей находки. Как раз появилась возможность сделать это максимально аккуратно. Один мой знакомый обмолвился о местном умельце, который в приподнятом настроении мог починить всё, что угодно: от кофемолки до многопрофильного станка с электронной начинкой. Приподнятое настроение ему создавал алкоголь, который ему несли нуждающиеся в его золотых руках клиенты. Я заранее разузнал о слабости кудесника: Иваныч просто млел и приступал к делу с повышенным энтузиазмом, если клиент приносил ему в качестве «приподнимающего» что-нибудь новенькое для него. Я выбрал греческий коньяк, или то, что выдавали за греческий коньяк.

Иваныч жил в Сельце в своём двухэтажном гараже. Первый этаж у него занимала мастерская, а второй был обустроен под жильё. Свой гараж Иваныч использовал в качестве убежища по причине непрекращающейся ссоры с женой. В разговорах он именовал её исключительно «Коброй». Раз в месяц жена приходила за ним в гараж и со словами «хватит кобениться» уводила его домой. Через два дня Иваныч опять возвращался в гараж.

«Опять ты?» – удивился Иваныч, когда я появился в его мастерской и достал чемоданчик из пакета. Я сразу понял,

что с чемоданчиком он уже был знаком, а меня он принял за его настоящего владельца. Я доставал из пакета коньяк и услышал, как щёлкнул замок на чемоданчике. Я испугался, что Иваныч сам заглянет в чемоданчик и увидит его содержимое. Я оцепенел от неожиданности, как всё это быстро случилось. В руках у меня заклинило бутылку коньяка, теперь уже по справедливости принадлежащую умельцу. Если бы крепкие руки Иваныча не вытянули у меня коньяк, он ещё долго бы оставался без вознаграждения. Я не мог пошевелиться и сказать хоть слово. Из ступора меня вывел лёгкий толчок в плечо пятернёй, в которой был зажат стакан с коньяком. Таким образом, Иваныч приглашал меня разделить с ним его гонорар. Мы выпили. Коньяк Иванычу понравился. Он сразу захмелел и начал возмущаться, как же я мог забыть дату «своего рождения», которая и была кодом на замке. Мне пришлось сочинить для Иваныча историю, как выписанные мне врачами таблетки привели к тому, что у меня появились серьёзные проблемы с памятью, да и лет прошло немало. Иваныч проникся сочувствием и налил мне ещё. «А вообще, все беды начинаются с баб, – поделился он со мной на прощание своим жизненным открытием, – поосторожнее с ними».

Я спешил домой. От гаража Иваныча до дома, я ни разу не заглянул в чемоданчик. Я радовался и боялся одновременно. Сердце барабанило, дыхание было, как после стометровки, но я терпел. Я решил, что прикоснуться к сокровищам

я должен в особой торжественной обстановке. Это же подарок судьбы. Это начало новой жизни. И будет неблагодарностью Небесам, если я испорчу это событие обыденностью и заурядностью.

Для создания торжественной величественной церемонии, в доме у меня нашлись только: огарок свечи и опустошённая наполовину бутылка дрянного сухого вина, которое я давно собирался выкинуть. В качестве скатерти, я использовал красную плюшевую портьеру, оставшуюся мне от бывшей хозяйки. Ну, хоть что-то.

А вот настроить самого себя на праздничную ноту и приступить к извлечению ценностей, у меня не получалось. Мне мешало то, что были два соображения, которые возникли сразу, но которые я старался не замечать. Первое: чемоданчик мог оказаться контейнером для хранения наркотиков. Второе: в нем мог находиться рабочий инструмент наёмного убийцы. Так вот, пока я не открыл чемодан, я должен был заранее решить, какими будут мои действия при таком обороте. Я признался себе, что наркотики я смогу уничтожить без какого-либо сожаления. А вот, что касается орудия киллера, я не смог определиться. На секунду, мне даже показалось, что никелированному «Кольту» или «Беретте», я буду рад больше, чем шальным деньгам. Наконец, я налил вина, зажег свечной огарок и открыл чемоданчик.

Я не помню, сколько времени находился в состоянии протрации, после того, как несколько раз пересмотрел содер-

жимое чемоданчика. Я не нашёл в нём ничего, что было бы похоже на деньги, оружие или хотя бы наркотики. Я не нашел в нём ничего, что могло бы компенсировать мне покупку коньяка. Всё содержимое чемоданчика составляли: клеёнчатая папка с фотографиями неизвестных мне людей, три незапечатанных конверта без адреса, с вложенными в них письмами и три старых картонных папки для бумаг с перетёртыми верёвочными завязками. И всё.

Я просто сошёл с ума. Я злился на проклятый чемодан так, словно это был живой человек, предавший меня и обманувший меня в лучших моих ожиданиях. Не спорю, может я и перегнул в своих фантазиях насчёт денег и драгоценностей, но этот хлам точно не был тем сюрпризом, который я заслужил. Я уже был бы рад, если бы нашёл там хотя бы наркотики. Их уничтожение было бы, по крайней мере, достойным, для моего самолюбия, событием. А так, я получил в награду от Небес лишь макулатуру. Относительную ценность представлял только сам чемодан. Но на что он мне? Хранить в нём шуруповёрт с насадками? Я в своём сумасшествии дошёл до того, что на полном серьёзе винил себя в том, что отнёсся к торжественному вскрытию чемодана недостаточно ответственно. Результат мог быть другим, если бы я подготовил дорогие церковные свечи и дорогое красное вино, думал я. В припадке злобы, я уже собирался сжечь все бумаги, но потом успокоился и просто убрал ненавистный чемодан с глаз долой. Чувствовал я себя прескверно. Меня как буд-

то обокрали и посмеялись над моей доверчивостью. Особенно тяжело было возвращаться из моих фантазий о предстоящей роскоши в суровую действительность. Скрипя зубами, я продолжил ремонт. А через некоторое время, я уже улыбался, вспоминая свои глупые надежды на чудо.

Прошло время. Новогодние праздники, по заведённой у нас традиции, прошли бессмысленно и бесчеловечно. Денег, здоровья и настроения, для продолжения ремонта, у меня не осталось. Я сутками валялся на диване, терзаемый неприятными воспоминаниями о Новомоднем гульбище. Те моменты праздника, которые вызывали взрывы дикого смеха всей нашей новогодней компании, теперь казались самыми гадкими и отвратительными эпизодами праздника. Эти нехорошие и некрасивые картины калейдоскопом кружили в голове. До тошноты. Надо было себя чем-нибудь отвлечь. Телевизор? Нет, смотреть на фальшивые лица, демонстрирующие поддельное счастье, я не смог. Тошнота только усилилась. Музыка, даже любимая, вызывала раздражение. Мне оставалось только охать и стонать, переворачиваясь с боку на бок. Вот в один из таких переворотов меня и шарахнула запоздавшая, месяца на три, догадка. А что, если находящиеся в чемоданчике бумаги собирались для шантажа какого-нибудь влиятельного политика? Как же это мне сразу не пришло в голову? Я достал чемоданчик.

Я начал с фотографий. Я внимательно рассмотрел каждую. Я не увидел на них ни одного знакомого мне лица. Мно-

гие снимки были сделаны во Владимире. Теоретически, я мог встречать персонажей фотографий на улицах нашего города; время, когда были сделаны снимки, было временем моей юности – последние годы Советского Союза и начало девяностых.

Я просмотрел незапечатанные конверты. Они были без адреса, только каждый был пронумерован в углу. Все три письма были написаны одним человеком и предназначались одному адресату. Я мельком пробежал их. Они касались воспоминаний автора писем. И, как я понял, толстая тетрадь была продолжением этих воспоминаний.

Три папки содержали разнообразные, и по формату, и по времени написания, листы бумаги. Объединяло их только то, что большинство из них были написаны другим человеком. Почерк в бумагах не совпадал с почерком в письмах и тетрадях. При беглом просмотре, я увидел, что записи содержат совершенно разрозненную информацию, и сами листы были собраны хаотично. Я не нашёл во всех трёх папках ни одного официального документа, хоть с какой-нибудь печатью или штампом. Информации о счетах в швейцарских банках, как вы уже догадываетесь, я тоже не нашёл.

К моему сожалению, я был вынужден констатировать, что ничего из бумаг не было похоже на материалы для шантажа. И всё же, оставалось непонятно, зачем для хранения вроде бы ничего не значащих бумаг понадобился дорогой герметичный чемоданчик и обустроен тайник. Мне стало интерес-

но разобраться хотя бы в этом. С тем, что я остался без вознаграждения, я уже смирился.

По коду на замке, я знал «дату рождения» хозяина чемоданчика. Но, что это мне давало? И кто мог поручиться, что её не выдумали специально. То, что Иваныч обознался, перепутав меня с тем, кто уже приходил к нему с этим чемоданчиком, тоже ничего не значило. Он узнал не меня, а чемоданчик, Я взял несколько фотографий и прошёлся по соседям. Никто никого не опознал. Я снова полез в письма. Как только я начал с первого письма, всё сразу встало на свои места.

Прочитав письма и тетрадь, я долго не мог определиться, как мне воспринимать всё изложенное в них. С одной стороны, я верил тому, что прочёл. С другой, некоторые эпизоды показались мне маловероятными. То, что задумал автор, вообще кажется несбыточным. Но думаю, что не мне судить автора. Чтобы не препятствовать его замыслу, я собрал все бумаги и письма в чемодан и вернул его в тайник. Поскольку восстановить первоначальный вид тайника, я не смог, я оставил там пояснительную записку. Я написал, что обнаружил чемоданчик случайно и не имею никаких возражений, чтобы он вернулся к его хозяину. Я был уверен, что за чемоданчиком должны придти. Так думать меня заставляло содержание писем.

В течение года я несколько раз проверял тайник. Я посчитал, что, возможно, что-то поменялось в жизни автора или

ему не составило труда написать новые воспоминания. Эти письма не выходили у меня из головы. Мне захотелось ещё раз перечитать это послание. Я достал из чемоданчика только письма и тетрадь, а сам чемоданчик с бумагами и моей пояснительной запиской оставил в тайнике. В этот раз, я читал уже другими глазами. Многое открылось мне как будто впервые. Мне показалось, например, что читая письма в первый раз, я не разглядел опасения автора за свою жизнь. Читая второй раз, я понял, что автору действительно грозит опасность.

Я дочитал письма и понёс их в тайник, с твёрдым намерением перечитать их ещё раз в будущем. На чердаке меня ждал шок – чемоданчик исчез. Моя записка валялась рядом. Честно говоря, я и не рассчитывал на благодарность со стороны хозяина чемоданчика, но небрежно сорванная и скомканная записка демонстрировала явное неуважение. Я уже начал сомневаться, стоит ли возвращать оставшиеся у меня письма и тетрадь, после такого пренебрежительного жеста. И тут, я догадался, что за чемоданом приходил не его хозяин. Была вероятность, что чемодан взяли его преследователи. Код на замке я не менял, поэтому его настоящий владелец легко мог проверить содержимое чемоданчика прямо здесь. Не обнаружив писем и тетради, он так просто не ушёл бы. Возможно, это был простой курьер, у которого была задача всего лишь достать чемодан из тайника. И если он был послан автором писем, то не получив их он должен будет свя-

заться со мной. Мне стоило подготовиться к ещё одному визиту за письмами. Я оставил в тайнике новую записку, что письма и тетрадь находятся у меня.

Прошло полтора года. Никто не появился и не пытался выйти со мной на связь. Я сам прошёлся по тем местам, что упоминались в письмах. Я надеялся найти хоть какую-нибудь ниточку, которая привела бы меня к автору писем. Мне не повезло. Теперь получалось, что, возможно, я остался единственным человеком, кто знает об этих письмах. Я бы хотел, чтобы они дошли до того, кому были адресованы. У автора был какой-то свой план относительно этих записей. Я о нём никогда не узнаю. В письмах не было точного сценария. Может, автор не успел его составить. Единственно, что я могу теперь для него сделать, это выложить эти записки в открытый доступ. Я хочу верить, что затея Деда когда-нибудь осуществится. Возможно даже, этот замысел принесёт пользу такому безнадёжно уродливому образованию на Земле, как Человечество.

Письмо первое

Здравствуй!

Если ты читаешь это послание из прошлого, есть надежда, что мой замысел сработал. Я не могу сейчас знать, как и по каким причинам, мне придётся уйти. Возможно, это будешь знать ты. В данный момент, я не представляю, что тебе известно обо мне, как ты ко мне относишься и вспомнишь ли меня вообще. Но я уверен, что получив эту весточку, многое

для тебя прояснится.

Думаю, эти бумаги я передам Чёрному человеку или его товарищам. Мне они помогали не раз. И сейчас я жду их помощи.

Ну, а пока не пришёл за мной мой Чёрный человек, я расскажу тебе о себе и о некоторых событиях моей жизни. Возможно, что-то ты уже знаешь. Если это так, это замечательно. Тогда мой рассказ будет лишь подтверждением из прошлого.

Начну я с того времени, когда я встретился с моими друзьями. Одного звали Евгений, но для нас он был Егором. Второй был для нас Штольцем, хотя родители записали его в Свидетельстве о рождении, как Юрия. Меня в нашей компании звали Дедом. Это необходимо тебе знать потому, что я буду использовать в своём рассказе и наши настоящие имена, и наши прозвища. Женька и Юра дружили с детства, а я присоединился к ним во время учёбы в техникуме.

Группа у нас подобралась очень весёлая, очень бунтарская и очень дружная на всякие глупости, не относящиеся к учёбе. Непригодная для обучения по всем параметрам. Хотя должен признать, что как бы мы не противились получению знаний, нашим преподавателям всё же удалось подготовить из нас вполне сносных специалистов. Даже из самых безнадежных тупиц. Низкий поклон нашим педагогам. Сейчас это кажется смешным и глупым, но в то время весь наш юношеский потенциал мы расходовали только на то, чтобы доказать

и себе, и всему миру свою взрослость. Признаков взрослости для нас, в то время, было немного: ты должен был пить вино, курить и общаться с девушками.

Моё сближение с Евгением и Юрием началось на втором курсе, после одного случая. С самой первой стипендии у нас в группе сложилась традиция: отмечать это получение материальной помощи от государства алкогольным возлиянием. Разумеется, это было подражанием взрослым. У многих отцов день зарплаты был пьяным днём. И мы считали это сложившейся общественной нормой. Мы безоговорочно следовали этому правилу. Исключением были только зимние месяцы. По причине Новогодних праздников и каникул, это во-первых. И во-вторых, зимой было невозможно найти подходящее место для пьянки полтора десятка малолеток. В другие времена года было проще. Мы могли облюбовать берег Клязьмы, какой-нибудь двор, сквер, гаражи или сараи. Главное, чтобы настоящие взрослые не увидели нашего «взрослого» поведения. Участвовали в этом мероприятии не все, но пропуск данного собрания без уважительной причины, рассматривался нами, как серьёзный проступок. Это могло повлиять на дальнейшую судьбу любого нашего однокурсника. Это приводило к потере статуса в группе.

Как правило, нас собиралось человек пятнадцать-двадцать. Мы вручали деньги самым рослым и представительным из нас и, благословив их, отправляли в ближайший магазин. Не всегда наши делегаты покупали спиртное с первого

раза. В некоторых магазинах продавщицы не верили заверениям наших представителей, что они уже давно переросли тот возраст, когда они имеют право приобретать спиртное. Но поскольку обычно мы выбирали алкоголь тех марок, что не пользовались особым спросом у основного контингента, нам шли навстречу. Продавщицы, ради выручки, закрывали глаза на несоответствие покупателей заявленному возрасту. Наш выбор всегда приходился на непопулярные в народе вина и настойки или ликёры, которые местные завсегдатаи считали бесполезной экзотикой.

В тот осенний день, местом нашего сборища мы выбрали овраг недалеко от техникума. Пока наши гонцы обходили магазины в поисках спиртного, мы решили облагородить место нашего пиршества. В овраге, по краям, было многохлама. Из стволов спиленных деревьев мы соорудили скамейки, расположив их амфитеатром. Из старых автомобильных покрышек и досок собрали стол. В центре всей композиции мы подготовили место для костра. Импровизированный стол был уставлен нехитрой закуской: два бумажных кулька с конфетами, четыре батона белого хлеба, три банки яблочного повидла и плавленые сырки. Пить мы собирались из бумажных стаканчиков. Мы натырили их в шашлычной в Загородном, после урока физкультуры. Вся подготовка проходила слаженно и дружно.

Наконец, на границе оврага показались наши курьеры с добычей в руках. Мы разожгли костёр, нарезали хлеб, вскры-

ли банки с повидлом и разделили на порции плавленные сырки. Всё дышало гармонией. В предвкушении праздника завязался объединяющий всех присутствующих разговор. Мои однокурсники обсуждали литераторшу. Не как женщину, а именно, как преподавателя. Само обсуждение проходило с редким единодушием. Расхождения касались только одного вопроса: каким пыткам следовало подвергнуть бедную Ольгу Александровну. Вина её была очевидна всем. На предыдущем уроке она объявила нам, что со следующей недели мы приступаем к разбору произведения Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Она обязала нас прочитать первые две части первого тома. Всех, конечно же, поразили объём материала. Все были согласны, что осилить такое количество, такой галиматьи и за такой короткий срок – невозможно. И вот, что меня дёрнуло, в этой толпе, которая приговорила литераторшу к линчеванию, что меня дёрнуло, понять не могу, признаться, что роман мною уже прочитан, причём полностью. И уж совсем необдуманно, я прибавил, что он меня впечатлил. По резко наступившей тишине, я понял, что делиться этими впечатлениями с моими однокурсниками не стоит. Я стал невольным разрушителем гармонии. Я огляделся. Глаза всех присутствующих были обращены, а лучше сказать, – вытарашены, в мою сторону. В этих, готовых вылезти из орбит, глазах, я прочитал неутешительные последствия своего неосторожного признания:

- 1). Весь этот праздничный вечер я буду терзаем вопро-

сами моих товарищей: при каких обстоятельствах, с какой периодичностью, умышленно или случайно роняли меня в грудничковом возрасте на пол вниз головой мои родители.

2). Алкоголь мне в этот вечер будут наливать меньше всех. Под тем предлогом, что если я так по-трезвянке могу чудить, то мне много и не надо.

3). Прилепят какую-нибудь нелепую кликуху, связанную с романом. Князь Болконский, например. А может, и поручик Ржевский. Для многих, по ходившим в ту пору анекдотам, он ассоциировался именно с романом Толстого.

– Да-а, – прервал затянувшуюся паузу Юра, – я думаю, что никто здесь не будет спорить, что человеку, который пережил стресс от шедевра мировой литературы, необходима повышенная доза восстановительных препаратов.

Штольц подошёл к столу, где уже были выстроены в три ряда наполненные наполовину стаканчики и долил в один из них почти до края. Этот стаканчик он протянул мне. Однокурсники стояли неподвижно и недоумённо переглядывались.

– Я тоже хочу выпить с этим уникальным человеком, – вынырнул из толпы Евгений, подошёл к столу и взял стаканчик.

– Ну а вы чего застыли, как мухи в янтаре, – прикрикнул Юра на смутившихся однокурсников. – К снаряду, лентяи.

Все выпили. Вино вернуло гармонию. Все согрелись и начали косеть, добреть, брататься. У некоторых моих товари-

щей, правда, возникало желание возобновить обсуждение и литераторши, и так нелюбимой литературы, и именно со мной. Юра решительно гасил такие попытки:

– Куда ты лезешь? Что тебе не понятно?

Он любил председательствовать на наших неофициальных мероприятиях и всячески отбрыкивался от официальных поручений в техникуме.

Некоторые настаивали на продолжении литературных дебатов. Некоторые интересовались, не стремлюсь ли я в любимчики литераторши. Юра всем доходчиво объяснил мой поступок:

– Он просто продемонстрировал нам безграничные возможности человеческого организма.

– Да, – пьяненько соглашался я, – я такой же как и вы. Только без хвоста.

– Между прочим, Ленин говорил как-то Горькому, что в русской литературе, до Толстого, ни одного мужика не было, – поделился своими сведениями Евгений. – И называл его – матёрый человецище. Ясно вам?

Хотя и не все поняли смысл сказанного Евгением, но все как-то притихли и к литературной теме больше не возвращались. Имя Ленина было свято.

К одиннадцати вечера всё было выпито. Все начали расходиться по домам: кто поодиночке, кто собравшись в небольшие стайки. Нас осталось трое: я, Евгений и Юра. Мы молча сидели возле почти догоревшего костра. Отдельные тлею-

щие угольки ещё слабо светили. Мы одновременно вытянули свои руки, пытаясь уловить последнее тепло. В этот момент, от внезапного порыва ветра, вновь вспыхивает огонь. Несмотря на кашу в голове, я сразу вспоминаю свой вчерашний сон: три пары рук обращённых к источнику света. Такое воспроизведение сна в действительности меня поразило. Я не знал, как отнестись к этому тогда.

С того дня, мы постепенно стали заполнять жизнь друг друга. Появились общие привычки, общие увлечения и общие взгляды на жизнь. Мы постоянно обсуждали книги, кино, музыку, наши поступки и поступки других людей. У нас появился свой, понятный только нам, язык. Мы наградили друг друга прозвищами. Дед Егор Штольц – трёхголовое чудовище, в которое мы превратились. Пусть не злобное, можно сказать, иногда довольно милое, но всё же – чудовище. Для наших родителей уж точно. На первом месте для нас были интересы нашей троицы. Всё, что не входило в сферу наших предпочтений, мы отставляли в сторону. Чёткого направления в наших устремлениях не было. Нас мотало из стороны в сторону. Я сейчас мало чего могу вспомнить из тех горячих споров и принципиальных разговоров о нашей жизни. Какой она должна стать, какими мы должны быть и т.д. Нас, скорее всего, занимал сам процесс, сам поиск ответов. Так строилось наше мировоззрение. Незаметно для нас самих, всю нашу повседневную жизнь: учёбу, совместные приключения, знакомства с девушками и даже ба-

нальные пьянки, мы стали рассматривать через призму нашей главной идеи. Мы были твёрдо убеждены, что были рождены, для какого-то Великого дела. Оставалась сушная бездельница – отгадать для какого именно. В своих размышлениях мы дошли только до этого пункта. Определиться с конкретным направлением, нам не хватало времени. Мы оставили решение этого вопроса на потом. Нас поглотила праздность и безответственность.

Ещё недавно, я бы так описал те времена: славно погуляли, славно покутили и славно поглумились. Сейчас за многие вещи ужасно стыдно. Но тогда мы оправдывали наши бесчинства тем, что это были последние деньки перед армией. Надо было напоследок набраться впечатлений, и желательно с излишествами.

Первым мы отправили служить Егора, сразу после окончания техникума. Ещё через полтора месяца, я проводил Штольца. Уйти сразу вслед за ними, у меня не получилось. По причине моего раздолбайства. Мне пришлось ждать ещё полгода до следующего призыва.

Два с половиной года я не видел друзей. Всё наше общение проходило через письма. Вряд ли эти письма сохранятся. Но может быть, мой Чёрный человек придумает способ, как тебя с ними ознакомить. Предупреждаю, наши письма, могут показаться со стороны перепиской трёх буйнопомешанных в период обострения. На самом деле, каждое письмо это признание в любви.

Мои первые письма друзьям не отличались оригинальностью и носили ярко выраженный издевательский оттенок. В них я описывал сцены из моей якобы разгульной жизни. Я писал о фантастических выигрышах в карты, о моём безумном успехе у женщин, о тех винах и яствах, которые составляли мой ежедневный рацион. В довершение к этому, я притворно сокрушался, что они не могут разделить со мною все обрушившиеся на мою голову блага. Я даже упрекал их в том, что они не нашли ничего лучше, как бросить меня и отсиживаться в армии, в такую замечательную эпоху. Ответы моих друзей тоже не блистали особым разнообразием. Как правило, в них содержался стандартный набор пожеланий получить: от вина – белую горячку, от гурманской еды – заворот кишок, от женщин – венерическую неприятность, и проигратся в карты, в пух и прах. После того, как Егор и Штольц демобилизовались, а мне оставалось служить полгода, уже я начал получать от них письма, в которых они расписывали мне все преимущества гражданской жизни. Они убеждали меня в том, в чём меня совершенно не нужно было убеждать. Что армия, это не то место, где стоит задерживаться такому человеку, как я.

А отпускать меня к маме и друзьям мои командиры не торопились. Я, конечно, был сам в этом виноват. Вернее, нет – не так. В этом было виновато моё тогдашнее мировосприятие. Да, так звучит вполне приемлемо для меня той поры. Наверное, убеждённость в том, что я предназначен для ка-

кого-то великого дела, породили во мне комплекс безвинности – нечто противоположенному комплексу вины. Я не мог быть виноватым. Виноватыми могли быть кто-то или что-то. Доказать мне, что я могу хоть в чём-то совершить ошибку, не мог ни один человек, из живущих на земле. Даже в тех случаях, когда моя вина была очевидна. Приведу пример из жизни. Я как-то грохнул в гостях дорогую вазу. Для меня, хорошо это помню, виноватыми стали сразу все, кроме меня. Лучшая моя сторона, та которую я считал объективной, восставала во мне и говорила, что так рассуждать неправильно. Это противоречит элементарной логике. Сразу все виноватыми быть не могут. Я соглашался с такими доводами и приходил к тому, что на самом деле виноват в этом случае только один человек – тот дурак, который поставил эту дурацкую вазу на это дурацкое место. И уж точно это был не я. Можешь представить, как с такими убеждениями было служить в армии, где раздражало всё, с самого первого дня. Я сразу оказался в окружении сплошь виноватых людей.

То, что армия создана не для меня, я это знал давно. Но вот то, что я не создан для армии, стало сюрпризом для многих. Только не подумай, что я был неженкой, нытиком или недоумком. Я сам не переваривал таких. Пожалуй, никто не любил таких в армии. Главными моими недостатками, как военнослужащего, для командного состава, были: излишняя любознательность, приверженность логике и гуманизм, который в такой структуре, как армия, вообще не приветству-

ется. Я, в отличие от своих сослуживцев, считал, что наши офицеры, по своей сути, такие же нормальные, как и обычные гражданские, люди. Только всё их поведение, все поступки и манеры, что мы наблюдаем во время службы, это всего лишь несуразные и противные им самим образы в Игре под названием Армия. Многих моих командиров я доводил до белого каления, пытаюсь внушить им эту простую мысль. Но после наших неформальных разговоров, во многих из них, я замечал перемены в лучшую сторону. Во всяком случае, мне становилось служить спокойнее. Только в командире бригады мне никак не удавалось выявить человеческое ядро. А может, его и не было. Я добился противоположенного эффекта. Комбриг записал меня во врага номер один. Несмотря на всю его всевластность и диктаторские замашки, службу мне он особо испортить не мог. Он решил мне испортить окончание службы.

Был уже конец декабря. Из дембелей, в бригаде оставались только я и штабной писарь. По всем положениям, я уже месяц назад был должен покинуть нашу часть. Но очистить ряды Вооружённых Сил от моего присутствия комбриг не торопился. Как-то обосновать это недоразумение он не собирался. Он даже стал прятаться от меня. Это выглядело очень забавно. На короткое время, я стал единственным человеком в нашей бригаде, кто не прятался от сурового комбрига, а наоборот, искал с ним встречи. Всем, в том числе и его заместителям, эта ситуация казалась несуразной и все мне ис-

кренне сочувствовали. Замполит подсказал мне, как я могу подкараулить комбрига. Наконец, мы с ним встретились. Глядя на его каменное лицо, я задал всего один вопрос: «Когда?». Он собрался и ответил мне с максимально саркастической интонацией. Переведу его ответ с армейского на человеческий: «Товарищ сержант! Если вас так интересует дата вашего увольнения в запас, извольте. Я готов вам ответить. Так как вы в течении всей вашей службы представляли собой пример в боевой и политической подготовке, а главное – в дисциплине, вы останетесь этим примером до конца. Принимая во внимание многие ваши заслуги, я забронировал вам камеру-люкс в знаменитых Алёшкинских казармах. Завтра на утреннем разводе вас ждёт торжественная отправка на гауптвахту».

Я выслушал вердикт комбрига с напускным равнодушием. Цвет его лица принял свекольный оттенок, и я, опасаясь за его здоровье, решил не высказывать всех моих размышлений по поводу его Приказа и его самого. Я побрёл в ротную каптёрку. Из шинелей и бушлатов я соорудил себе ложе. Я обдумывал сложившуюся ситуацию. По замыслу комбрига, я должен был выйти с гауптвахты под Новогодний бой Кремлёвских курантов. Мне нужно было сообщить друзьям и родным о своём нескором прибытии. В предыдущем письме я выслал друзьям перечень горячих блюд, закусок и спиртного, какое бы я хотел видеть на Новогоднем столе. И я знал, что они ждут, готовятся. Размышляя о природе челове-

ческой подлости и её ярком представителе, в лице комбрига, я уснул. Мне снится странный сон: находясь в полной темноте, я зажигаю спичку, чтобы прикурить. Свет от спички высвечивает улыбающиеся лица друзей. На короткое мгновение между ними появляется ещё одно лицо. Это лицо девушки. Она смеётся и говорит: «Придётся поверить». Спичка догорает, лица пропадают, и кто-то начинает меня трясти за плечо. Я просыпаюсь оттого, что меня действительно трясут за плечо. Я продираю глаза и узнаю моего товарища по несчастью – штабного писаря. Он садится на табурет и загадочно, словно Джоконда, улыбается. Даже руки, как на Леонардовой картине сложил.

– Хватит спать, – говорит он, – бери шинель, иди домой.

Он протягивает мне все мои документы на увольнение в запас и Приказ комбрига о моём завтрашнем аресте на семь суток, на память. Я настолько ошалел от такой новости, что даже не выяснил у писаря, как такое случилось. Что это было: позднее раскаяние комбрига, хитрый фокус писаря или какие другие обстоятельства, я так и не узнал.

Ритуал прощания с родной частью, я максимально сократил. Я созвал моих однополчан, с кем хотел проститься. Из нычки я достал заранее приготовленный вещмешок со спиртным и закуской. После трёх обязательных тостов, я сорвался на автовокзал. Моя гражданская жизнь началась с того, что на входе в метро ко мне подошла девушка с отсутствующим взглядом. Она говорила с заметным акцентом. Она

сообщила мне, что у неё на родине, в Румынии, расстреляли Чаушеску и его жену. Выглядела девушка потерянной. Но я не проявил никакого участия. Для меня было важнее то, что я скоро буду дома. Ещё я подумал, что стоило мне только покинуть армию, как чёрт-те что начинает твориться в мире.

Ранним утром следующего дня я прибыл во Владимир. Весь день, за столом с нескончаемыми угощениями, я рассказывал родителям о своей замечательной службе. Примеры я старался подбирать самые позитивные. Своё позднее прибытие я объяснил тем, что пришлось пойти навстречу настойчивым просьбам комбрига оставаться образцом и наглядным примером для молодых бойцов, пока мне не будет найдена достойная замена. В принципе, если не вдаваться в подробности, это была почти правда.

Вечером я отправился к друзьям. Сюрприза не получилось. Ни того, ни другого не было дома. Я решил помотаться по центру города, поглазеть насколько наш Владимир смог измениться за два года, что я отсутствовал. Честно говоря, не помню, чтобы увидел какие-нибудь радикальные изменения или что-то новое. У меня сложилось впечатление, что я отсутствовал не два года, а максимум две недели. Что я узнал сразу, как приехал, так это воздух и шум города. У меня в воспоминаниях о городах всегда присутствуют эти два пункта. Для меня, у каждого города они особые. Я всегда старался избегать пафосных мыслей, но в этот раз меня что-то проняло. Я признался себе, наконец, что люблю свой город, что

я скучал по нему, как скучал по дому и друзьям. Только моя любовь к нему никогда не была восторженной.

Проходя Торговые ряды, я решил свернуть с центральной улицы и пройти через Нариманова и Гоголевский сквер к Никитской церкви. В этой церкви располагалось Управление по реставрации города, где работал отец. У меня с ней связано одно из ярких воспоминаний детства: мой первый осознанный Новый год. Я помню живую ёлку до потолка в зале полном ярких красок, и взрослых в костюмах невиданных героев. Отчётливо помню единственного в моей жизни настоящего Деда Мороза. Он подошёл ко мне, сразу узнал меня, назвав по имени, восхитился, какой я чудесный ребёнок и вручил подарок. А после сказочного представления и поздравлений, нас отвели в маленький кинозал. Там нас ждало ещё одно чудо: сборник мультфильмов с такими шедеврами, как «Бременские музыканты», «Умка» и «Дед Мороз и лето». Я не совру, если скажу, что лучше того Нового года я больше не встречал. Ещё, глазами пятилетнего мальчика, я увидел и запомнил, какими должны быть люди – счастливыми, дружными и любящими. А теперь, я только завидую. Завидую тому ребёнку – чистому, честному, открытому для счастья, – каким мне уже не стать в этой жизни.

Я вышел на безлюдную Нариманова. Я, хорошо помню, размышлял, что мешает взрослому человеку верить в чудеса. Впереди я услышал голоса. Они доносились из арки дома, к которому я подходил. Из неё вышли два человека. Я

остановился в трёх метрах от них. Это были Егор и Штольц. Они, увидев меня, тоже остолбенели.

– Видал миндал? – первым пришёл в себя Егор. Он пихнул Штольца локтем в бок: – Нет, ты понял? Ты ещё будешь спорить со мной, после этого?

Штольц выглядел... хотел написать: как человек увидевший привидение, но тут подумал, что людей, видевших привидения, не так много в мире. А людей, увидевших человека, в тот момент, когда он видит привидение, я полагаю, ещё меньше. Не могу сказать откуда взялся этот литературный штамп. Интересно, он сохранится до твоего времени?

Егор обошёл меня вокруг, словно памятник. Потом набросился на меня и заголосил:

– Ну, здорово, вояка! Наконец-то! О Небеса, о Боги, наконец-то я буду спать спокойно. А то как вспомнится ночью, что ты там, может быть один, в полном вооружении, на боевом посту несёшь боевое дежурство и всякую ерунду – всё, уснуть не могу. За мир во всём мире и за людей, которые тебя окружают, как-то тревожно. Ну, хоть теперь международная обстановка поспокойнее станет... Да поздоровайтесь же, черти, – подтолкнул он меня навстречу Штольцу.

Мы обнялись, а Егорка продолжил свой трёп:

– Слушай, Дед, а чего тебя сразу-то из армии не выгнали, не пойму. Вот они рискованные ребята. Я был уверен, что им недели хватит, чтобы понять с кем имеют дело, в твоём лице. А они умудрились как-то найти для тебя применение. Инте-

ресно даже. Стой. Ничего не говори. Дай сам угадаю... М-м... Тобою пугали солдат вероятного противника? Угадал?

– И противника, и своих – ответил я. – Вы как здесь?

– Сейчас, Дедуля, господин Юрген Штольц расскажет тебе то, во что и сам ещё до конца не может поверить. Видал, как его шарахнуло? – кивнул в сторону друга Егор и самодовоительно прибавил: – Конечно, для меня, как адепта высшей магии, да ещё такого уровня, ничего феноменального не случилось. А людей с низким интеллектом и неустойчивой психикой, – вон, как припечатывает. Эй, Герр Штольц! – Егорка пощелкал пальцами перед Юркиным носом, – Мы ждём свидетельства об удачном... даже нет, не так – о блестящем... нет, – о фантастическом...

– Да в чём дело-то? – обратился я к Штольцу.

– Представляешь, – вышел из ступора Штольц, – этот ведьмак тебя наколдовал.

– Как это, – улыбнулся я.

– Рассказывай, рассказывай, – снисходительным тоном приободрил Штольца Егор и стал вышагивать возле нас в наполеоновской позе.

– Помнишь, месяц назад, мы тебе писали, что познакомились с двумя девчонками? – начал Штольц.

– Помню, – подтвердил я. – Одну зовут Катя, а другую, наоборот – Лена. Так вы кажется писали.

– Так. Саня, ты представить себе не можешь, как мы с ними намучались. Уже месяц! ходим, как привязанные, а до

главного всё никак не доходит. Ни у меня, ни у Егорки. Уже по всем земным законам, за такой продолжительный срок, отношения с ними должны перейти из вертикальной фазы в горизонтальную плоскость, а у нас какая-то невесомость. И понимаешь, какая штука необычная: оставить их, после стольких потраченных сил, уже вроде как и жалко. Уже что-то такое прикипело внутри...

Здесь Егор, уже несколько раз порывавшийся вмешаться в доклад Штольца, просто взорвался:

– Тебя о чём просили рассказать? Тебя о твоих интимных проблемах просили рассказать? Выдаёт тут в эфир хронику обломов. Тянет тут кота за хвост, да ещё не в ту сторону. Может ещё расскажешь нам сколько с Ленкиной мамой чаю с её засахаренным вареньем выпил? Отчитайся, до кучи, сколько раз их коврик дурацкий ходил выбивать. И знаешь, Дед, ты мне сразу, может, и не поверишь, но я должен тебе сказать ужасную вещь. Этот гадёныш даже смотрит бразильский сериал с Ленкой и её мамой по вечерам...

Штолец спокойно перенёс упоминания Егоркой о чае, засахаренном варенье и коврике, но при упоминании бразильского сериала психанул и бросился в контратаку. Оказывается, и у него имелись в запасе компрометирующие Егора факты. Началась словесная перепалка. Штолец и Егор принялись обвинять друг друга в своих неудачах в амурных делах. При этом, каждый из них, норовил выставить свою избранницу в самом безупречном виде и заблаговременно вы-

звать мою симпатию к ним. Жалкое зрелище. Мне стало всё понятно. Мои друзья попали в лапы хитроумных шантажисток, которые не успокоятся, пока не увидят кольцо на безымянном пальце своей жертвы и подпись в Свидетельстве о браке.

– Успокойтесь, я всё понял, – резко остановил я их, – соревнование двух слизняков, кого быстрее окольцуют и кто быстрее спрячется от жизненных стихий под каблук, считаю закрытым. Если вы решили, что идти по жизни легче держась за юбку, я вас поздравляю.

– Да ты чего, Дедушка, – начали оправдываться друзья, – да мы ни ухом, ни рылом не думали об этом. Выдумал тоже.

Однако вид у них был виноватый, и я понял, что не так уж далёк от истины.

– Решили свалить под венец? Хорошо. Жду приглашения на свадьбу. Постараюсь сделать всё, чтобы память о них осталась на всю вашу дальнейшую никчёмную жизнь, – торжественно пообещал я.

Егор и Штольц не ожидали от меня такой реакции. Они опять принялись убеждать меня, что я ошибаюсь. Я сделал вид, что им поверил.

– Ну, хорошо, подонки. Давайте вспомним. Мы рождены...?

– ... чтоб сказку сделать былью, – в один голос заученно прогундели они.

– Замечательно. Значит не забыли. Теперь следующее: ка-

кого чёрта вы здесь делаете?

Друзья принялись рассказывать как они очутились в этом месте и в этот час. В этот дом их привели Катя и Лена. Как будто я сам ещё не понял, что они уже не могли самостоятельно выбирать куда им идти и как им проводить своё свободное время. В этом доме жила их институтская подруга Вера. Пришли они сюда с целью пригласить эту самую Веру на Новый год. Это было обязательным условием обнаглевших подруг. Сам Новый год Катя и Лена распланировали отметить на даче Штольца. Я всё больше убеждался, что эти девицы крутили моими друзьями, как хотели. В любом направлении. Чтобы отметить знакомство с Верой, мои друзья купили вина и закуски. Здесь Штолец стал меня уверять, что пошли они на поводу у Кати и Лены, думая, в первую очередь, обо мне. Ведь до Нового года оставалось не так много времени, а тут готовый вариант девушки для меня, никого искать не надо.

Я думаю, надо описать дом, в котором жила Вера. Вряд ли он сохранится до того времени, как ты будешь читать это письмо. Дом был начала двадцатого века постройки. Первый этаж был кирпичным, а второй деревянным. Через арку фасада первого этажа был вход во двор. Во дворе к основному зданию с двух сторон примыкали двухэтажные пристройки с отдельными входами. В конце двора эти пристройки соединялись между собой деревянными сараями. Дом считался ветхим, и большинство его жильцов уже получили но-

вые квартиры и разъехались. В пристройке, в которой жила Вера, никого из соседей не осталось. Оставалась только какая-то муниципальная контора, которая занимала часть первого этажа. Рядом с конторой, в полуподвале, была котельная, которая отапливала весь дом. Топили углём, который доставляла контора. До расселения, отоплением занимался сезонный работник. Когда из обитателей дома остались только семейная пара стариков и сосед-алкоголик, Вера стала единственным истопником. Только днём уголёк подкидывал кто-нибудь из конторских.

Когда Штольц узнал, что соседние квартиры пустуют, а все ключи от них хранятся у Веры, он потерял самообладание. Штольц непременно решил, что именно здесь и сегодня, он воплотит свои эротические фантазии со своей Ленкой на практике. Под предлогом, что он с детства интересуется всем, что касается старинных домов, он добился того, что Вера провела для них ознакомительную экскурсию по дому. Но сама история дома мало занимала Штольца, он всего лишь хотел удостовериться, подойдёт ли обстановка покинутых квартир для его похотливого плана. Во всех квартирах оставалась кое-какая мебель. Диван или кровать можно было найти в каждой квартире. Для Штольца не осталось сомнений, что сама судьба привела его в этот дом с Ленкой, сам понимаешь, для чего. По безумным глазам Штольца, Егорка без труда прочёл все тайные помыслы друга. Егор тут же сообразил, что и он имеет все шансы положить свою

Катьку на обе лопатки, в его терминологии. Егор когда-то занимался классической борьбой. Не сговариваясь, потому, что не имели такой возможности, друзья стали двигаться в одном направлении. Под пристальным вниманием своих подруг, действовать приходилось аккуратно. Тактика была нехитрая, но многократно проверенная: напоить девчонок и уболтать остаться здесь на ночь.

Если для Штольца был важен только результат, то Егор во всех делах всегда стремился достичь эстетического изыска. Он даже мусор не мог выкинуть просто так. Обязательно с какими-нибудь подвыподвертами. Он был мастером на всякие придумки. Правда, Штолец называл это «изъёбами». Первым делом, нужно было задержать девчонок до часу ночи, когда уже не ходил общественный транспорт. Надо было чем-то заинтересовать Катю и Лену. Егор рассмотрел несколько вариантов достижения цели. Для этого вечера, Егор решил выбрать тот, который мог пригодиться и в будущем. Поскольку Штолец со своим плохо скрываемым сексуальным зудом, выглядел как безнадежный идиот, рассчитывать на него в полной мере, Егор не мог. От Штольца он потребовал только поддакивать и кивать по условному знаку, и вовремя подавать девчонкам коктейль с постепенным увеличением градуса. Вот с этими задачами Штолец справился блестяще. Ему было ради чего стараться. В те моменты, когда похотливые химеры ненадолго покидали разум Штольца, он проявлял присущую ему сообразительность и вносил

свой вклад в общее дело.

Первый час застольной беседы Егор особо себя не проявлял. Это очень беспокоило Штольца. Он, конечно, ожидал более стремительного развития событий. К тому же, девчонки уже начинали поглядывать на часы, и в разговорах, между собой, у них проскальзывали намерения заканчивать посиделки и отправляться по домам. А Егор всё это время наблюдал за девчонками и ждал, когда на них начнут действовать коктейли подаваемые Штольцом. Дождавшись нужного момента, Егор, как бы невзначай, обмолвился, что является одним из тайных учеников Великого магистра Белой магии. Что обучение он проходит заочно по космическому каналу, и скоро у него зимняя сессия. И добавил, что эту тайну он хранил до этого момента. Штолец подтвердил, что он, действительно, первый раз об этом слышит. Такое признание Егора в чародейственности, после короткой паузы, вызвало взрыв хохота Кати и Лены. А у Штольца это вызвало вздох разочарования и приступ отчаяния. Он не был к этому готов, он ждал не этого. Егор дождался когда девчонки отсмеются и обиженно пробубнил, что мог бы легко продемонстрировать свои умения прямо сейчас.

В то время, о магии, спиритизме и экстрасенсах говорилось и писалось более, чем достаточно. Можно даже сказать, что на это была мода. Разумеется, все присутствующие были знакомы с этой темой. Но Егор всю свою метафизическую лабуду начал преподносить в такой убедительной манере, что

даже Штольц, давно привыкший к Егоркиным экспромтам, поначалу всерьёз отнёсся к происходящему. Штольц объяснил это тем, что у него не возникло никаких сомнений потому, что Егор, ну, натурально, был в трансе и кажется сам верил в то, что внушал публике. Когда шок прошёл и до Штольца дошла истинная цель Егоркина аттракциона, он начал усиленно помогать новоиспечённому шаману во всех его обрядах.

Для начала Егор осмотрел ладони всех присутствующих. При этом он сделал какие-то записи на листе бумаги. Его письма напоминали где-то рунические символы, а где-то иероглифы. Следующим пошёл сеанс по «диагностике био-полей и кармы». Когда-то Егор увидел в магазине книгу с таким названием и вот – пригодились. Когда избранный ученик Великого мага предложил девчонкам подкорректировать им баланс верхних, средних и нижних чакр, скептическое и насмешливое отношение подруг переменилось на серьёзное. Они перестали глупо хихикать и улыбаться. Они даже прикрикнули на Штольца за то, что он пытался пролезть на процедуру коррекции без очереди. После Егоркиных пассов над ними, девчонки, действительно, почувствовали ощутимые изменения в самочувствии. Думаю, что все эти непонятные процессы в организме, скорее всего, были вызваны действием алкоголя, а не Егоркиными выкрутасами, но Катя и Лена единодушно признали несомненные экстрасенсорные способности Егора. Егор воспринял это признание, как

должное. Он предложил сделать перерыв на коктейль. Он уже не сомневался, что магическая приманка сработала.

Катя и Лена выпили ещё по бокалу и потребовали продолжения магического сеанса. Особенно, они настаивали на демонстрации практических действий. Егор начал неубедительно отмазываться, что у него нет с собой необходимого магического инвентаря, а именно: золотого жетона египетского жреца, святой воды, свечи и веточки сандалового дерева. Девчонки с такой готовностью принялись искать это всё по своим сумочкам, что Егор понял, что не зря он затеял всю эту мистификацию. Интересно, что девчонки всё-таки предоставили кое-что для чародея. Вера принесла свечу и бутылку со святой водой. Лена, с глубоким вздохом, предложила свой золотой кулон, изготовленный Костромским ювелирным заводом, в качестве египетского жреческого жетона. Катя тоже внесла свою лепту. В подъезде, с оголённой от обвалившейся штукатурки стены она выломала полоску дранки и настоятельно порекомендовала Егору считать это веточкой сандалового дерева. Егор не смог ей отказать.

Егор продолжил свой спектакль. Он велел убрать всё со стола, налил в стакан святой воды, зажёл свечу и положил перед собой листок для записей. Егор ещё раз всё проверил, развернулся к затаившимся зрителям и попросил всех покинуть комнату. Он сказал, что за такие фокусы на публике он может быть наказан Великим магистром. Это был хитрый ход, в расчёте на женское любопытство. Конечно, девчонки

начали умолять Егора, чтобы он разрешил им присутствовать при совершении обряда. Егор неохотно согласился, но предупредил, что не отвечает за точность результата. Ещё он выдвинул условие: во время обряда все должны хранить гробовое молчание. Любое произнесённое вслух слово останавливало и обнуляло весь ритуал. Девчонки согласились. Егор планировал, что именно этот пункт будет обязательно нарушен и можно будет сослаться на невозможность волхования в такой обстановке. Если девчонки всё-таки сумеют промолчать, то Егор надеялся, что Штольц догадается хотя бы чихнуть, кашлянуть или что-нибудь уронить.

Электрическое освещение было погашено, а окна плотно зашторены. Егор один сидел за столом; девчонки и Штольц притихли на диване. Нужно было тянуть время. Минут десять Егор посвятил записям на листе. За это время ему удалось нарисовать круг и разделить его тремя линиями на шесть частей. Пространство вокруг круга Егор начал неторопливо заполнять буквами и символами, которые смог вспомнить из уроков физики, химии и геометрии. Девчонки даже не пикнули. Нужно было продолжать. Он вливал растопленный воск свечи в стакан со святой водой и помещивал его щепкой от дранки. Егор делал это так увлечённо, что можно было подумать, будто он ещё не знает, что растворить воск в воде невозможно. Весь стол был залит святой водой и покрыт кусочками застывшего воска. Девчонки молчали. Все знали, как Лена бережно относится к своим вещам

– Егорка взялся за её кулон. Он заливал его воском и держал над горящей свечой с явным намерением его закоптить. Но, сцепившая зубы Ленка, не произнесла ни слова. Надежды Егора на женскую говорливость и нетерпение не оправдались. Да и Штольц хорош, не издал не звука. Что это зайдёт так далеко, Егор не предполагал.

У Егора был талант импровизатора. Мы со Штольцем знали это доподлинно. Ему было достаточно одного факта, чтобы он мог развить его в цельную логическую систему и привести к нужному выводу. Однажды мы со Штольцем, смех ради, накидывали ему всякие несуразные темы, а Егор выстраивал из них целые научные концепции. Ну, например: начав с того, что колобка съела лиса, привести к тому, что президентом США когда-нибудь станет чёрный. Он сложил эту цепочку. Это было нелепо и убедительно одновременно. При этом, это было уморительно смешно.

Егор устало поднялся из-за стола, подошёл к окну, раздвинул шторы и уставился в темноту улицы. Катя и Лена заёрзали на своих местах, не понимая можно ли уже разговаривать или нет. Наконец их терпение иссякло, и они наперебой стали требовать от Егора отчёт о его метафизических опытах.

– Я могу сказать только то, что я сделал глупость, – не поворачиваясь к девчонкам, убитым голосом сообщил Егор. – это неисправимая глупость, что я пошёл у вас на поводу. Да о таких вещах лучше не знать ничего. Это узел богини Кáли. В такой день надо напиваться влёжку и носа из дома не вы-

совывать.

– Что, так всё плохо? – осторожно поинтересовался Штольц.

– Сами смотрите, если не верите, – Егор взял со стола листок со своими каракулями и стал им трясти перед лицами зрителей, как неопровержимым доказательством своих страшных прогнозов. – Ну, чего я вам буду рассказывать, вы же сами всё прекрасно видите.

Вдохновение опять вернулось к Егору. Он начал сочинять про увиденные им в своих вычислениях петли судьбы. По его словам, выходило, что встречаться в этот день всем вместе было нельзя. Но поскольку они уже встретились, им надо держаться вместе. Разойтись по домам без потерь, им вряд ли удастся. Что ждёт любого из них за порогом этого дома, Егор определить не мог. Но все его предположения не сулили ничего хорошего. Это могла быть сосулька с крыши, наезд автомобиля, убийца в подворотне или самый обыкновенный метеорит. И теперь, когда сама судьба свела их в этом, хранимом древними духами, доме, никто не имел права покинуть его до часа Венеры, то есть до утра. Штольц еле удержался, чтобы не броситься Егорке на шею, после этих слов. Но потом рассудил, что в такой зловещей и гнетущей обстановке добиться от Ленки сексуальной отзывчивости будет непросто. Он сделал Егору намёк, чтобы он сбавил уровень напряжённости:

– Погоди, Женёк. Ты же сам говорил, что звёзды никого

не ставят в тупик. Мы же можем найти в этой ситуации какой-нибудь позитив?

И вот здесь... Егор поклялся, что всё что он начал говорить, выходило из него спонтанно, необдуманно, без предварительного расчёта:

– Есть. Есть одна зороастрийская метода, – он взял со стола листок, который он тщательно заполнил символами, изображая оракула, и ткнул в один из секторов, нарисованного им, круга, – вот, взгляните сюда.

Девчонки подвинулись поближе к столу, чтобы рассмотреть спасительный кусок.

– Вы поняли? Нас пятеро. Нам нужен ещё один человек. – Егор аккуратно заштриховал один сектор. – Х-м... Точно... Хотя, нет... Ребус какой-то. Энигма, мать её... Вот так всегда: женщины замутят, а нам разгребай.

Странно, но Катя даже не поморщилась. Хотя она никогда не оставляла без внимания реплики Егора, основанные на мужском шовинизме.

– Человек, который нас интересуется странный субъект, – вслух рассуждал Егор. – Он и рядом, и далеко. Он последний, но стоит впереди всех. Он нам знаком, и не знаком. Он и молод, и стар. Он нужен всем, а ему кто-то один.

Егор собирался ещё что-нибудь прибавить в том же туманном виде, но тут встретился взглядом со Штольцем. Тот выглядел как прилежный первоклассник, которому любимый учитель после задачки о трёх яблоках сразу начал объ-

яснять систему дифференциальных уравнений – слушает внимательно, но понимания ждать нет даже тени. Штольц ожидал от чернокнижника совсем другую резолюцию. Он хотел, чтобы Егорка, сославшись на расположение планет, отправил бы его с Ленкой прямиком в квартиру отставного полковника, где он присмотрел отличный кожаный диван сталинской эпохи. А тут какой-то таинственный незнакомец.

– Так идите и приведите его, – лениво потянувшись за конфетой предложила Катя.

– Он сам здесь не появится, – добавила Лена.

В планы Егора это не входило. Говоря о незнакомце, Егор конечно подразумевал меня. Но на сегодня мою материализацию он не планировал. Он собирался только зарезервировать за мной место спасителя на будущее.

– Это только предварительные расчёты, – начал отговариваться он. – Недостаточно сведений.

– Я всё поняла, – вздохнула Катя.

Егор обмяк. Он сразу подумал, что заигрался в чудотворца и теперь разоблачён. У него в голове пронеслось несколько вариантов, как эту ситуацию перевести в шутку. Но Катя имела в виду другое:

– Тебе бы, Женечка, просто сидеть и ничего не делать. Ты просто лентяй. Я сразу это поняла.

– Да и второй не лучше, – покосилась на Штольца его Ленка. – Так ведь, Юрий Владимирович?

Егор собирался напомнить девчонкам о том, какие смер-

тельные опасности поджидают их за стенами этого дома, но Штольц уже кивал ему одеваться на выход. Затем, уже одетые, они вернулись в комнату. Штольц налил себе и Егору вина. Они выпили, и с видом обречённых на верную гибель вышли вон.

На улице они сразу начали спорить, кто из них виноват в том, что они оказались в таком глупом положении, и как из такого положения выйти. Здесь я их и встретил.

– Сейчас собирались к тебе. Я, прям, знал, что ты сегодня появишься. А этот валенок Штольц не хотел к тебе ехать. Говорил, что таких, как ты, обычно, из армии сразу на каторгу пересылают, для блага общества. Правда, он свинья?

– Да, он животное, – согласился я.

Штольц обиженно промолчал.

– А я в какое-то мгновение, просто в долю секунды, сообразил, как помочь нам всем. – Егор дал нам паузу, чтобы мы приготовились оценить степень его мудрости и продолжил: – Смотрите: девчонок оставил здесь на ночь. Можешь не вздыхать, Штольц. Я имею в виду не только свой прогноз. Когда в компании появится такая интрига, в образе нашего Дедушки, их силком домой не выгонишь. Я тебе точно говорю.

В глазах у Штольца стали заметны масляные разводы.

– Тут же мы решаем вторую задачу: девушка к Новогоднему столу для Дедушки, – продолжил Егор. – Девушку – Дедушке. А что? Вера – замечательный вариант. В отличие от наших «принцесс», девушка, кажется, не избалованная. Это

тебе будет от нас со Штольцем Новогодний подарок. Так что больше ничего не проси. И ещё, что касается всех нас: как вам встретить Новый год здесь, в центре города? Это лучше, чем переться на дачу Штольца по сугробам. Ну, как вам? Одним выстрелом сразу трёх зайцев. Трёх, Штолец. Ты понимаешь? Сразу трёх, Штолец!

Егорка начал размахивать фигурой из трёх растопыренных пальцев перед носом Штольца, пока тот не отбил его руку от своего лица.

– Дед, тебе остаётся несложная задачка – охмурить по-быстрому Веру, – улыбнулся Егор. – Я думаю, ты справишься.

– Ты же справишься, – умоляюще повторил Штолец. – Пошли уже скорее.

Я, для порядка, поинтересовался, не крокодилицу ли они мне тут сватают.

– Эх, ты, – Егорка с укоризной покачал головой, – и не стыдно тебе? Чтобы мы, твои старые друзья, принесли тебя в жертву чудовищу, ради своих сомнительных удовольствий? Так, значит, ты о нас думаешь? Как нехорошо. Давай так: если тебе твоя Вера не глянется, – можешь взять себе Штольцевскую Ленку. Поменяетесь. Но я бы не советовал.

– Чего? – набычившись, спросил Штолец.

– О! Так ты здесь? И не спишь? – удивился Егор. – Может, тогда уж поможешь мне? Бери этого солдафона, хватит с ним сюсюкаться. Должны же мы отметить нашу встречу.

Друзья подхватили меня под руки и потащили в арку. Я успел подогнуть под себя ноги, и им пришлось тащить меня на весу.

– Интересно, – задумался я, – а что бы вы делали, если бы я вас сейчас не встретил?

Они подтащили меня к входной двери дома, и запыхавшийся Егор подумал и признался:

– Ну, нашли бы какого-нибудь другого дурака. Всё, заходим.

Наше появление в квартире Веры получилось очень удачным. В духе мистицизма, задуманного Егором. Мы вошли в квартиру под бой больших напольных часов ровно в полночь.

Я стоял под конвоем друзей. Перед нами на диване сидели три девушки. Все три показались мне очаровательными. Но Веру я узнал сразу. Это была девушка из моего вчерашнего армейского сна. Только наяву она оказалась не с той причёской, что во сне. Волосы у неё были заплетены в косу. Меня представил Егор:

– Знакомьтесь, сударыни, – Александр. Наш дорогой гость. Был обнаружен нами на перекрёстке четвёртого и пятого измерений. Сопrotивления не оказывал. Так что прошу, если не любить его, то хотя бы жаловать.

Далее, Егор в неприкрито льстивой манере представил мне девушек. А Штольц, подталкивая меня спину, повёл меня к столу, по пути снимая с меня шапку, куртку, шарф. Ме-

ня усадили за стол. Штольц отнёс мою одежду, вернулся и сел на боковину дивана рядом со своей Леной. Я почувствовал себя настоящим космическим пришельцем. Напротив, с дивана, с интересом наблюдали за мной пять жителей планеты Земля и как будто ожидали чего-то. То ли ультиматума пришельцев, то ли спасительного чуда.

– Девчонки, вы себе представить не можете, насколько я всё точно предсказал. Даже с таким скудным инвентарём. Всё так и сбылось. Просто фантастика, – самодовольно рассуждал Егор. – Если бы не моя циклопических размеров скромность, я должен был бы кричать на каждом углу, что я гений. Конечно, я простой и бесхитростный человек, но скоро я смогу повелевать стихиями. Вот увидите.

– Ну, давай я поцелую тебя за это, Калиостро ты мой, – Катя чмокнула Егора в щёку и посмотрела на меня: – Какой-то стеснительный у вас друг.

– Да, малость диковат, – согласился Штольц, – но это обманчивое первое впечатление. Погодите немного, не пугайте его. Освоится – ещё успокаивать придётся.

– Ой, – встрепенулась Вера, – человек издалека... четвертое-пятое измерение – это же не близко. Александр, вы кушать будете?

Весь день, с утра до вечера, я провёл за родительским столом – кушать я точно не хотел, но в ответ пробуробил что-то невнятное. Вера отправилась на кухню.

– Да, покорми его Верунчик. Только не с рук – укусить

может, – крикнул Штольц ей вслед. – Знаю я его: руку по локоть отхватит, нефиг делать, – это он уже сказал девушкам.

Его шутку не оценили. Девчонки недовольно фыркнули, а Лена ещё и презрительно смахнула его руку со своей коленки.

– Ну ладно, ладно. Фигню сморозил, – виновато признался Штольц, – но он меня ещё и не так подковыривал. Скажи им, Сань.

Я кивнул.

– Давайте-ка отметим встречу этого странника, – примирительно предложил Егор.

Девчонки упорхнули на кухню, и через пять минут стол был снова накрыт. Вера принесла специально для меня тарелку с горячим. Все расселись. Штольц налил всем и произнёс тост в честь моего прибытия. Все выпили. Егор, с целью закусить, потянулся вилкой к моей тарелке и тут же получил удар в бок от своей Кати.

– Женя, это Вера принесла Александру. Нет, Вера, ничего ему разогревать не надо. Обойдётся. Недавно же ел. А закусывать ты можешь... вон – салатом, – и слегка раздражённо Катя бухнула в тарелку Егора две ложки салата. – Александр, а вы кушайте. У нас Вера просто обалденно готовит.

Егор перенёс уже занесённую над моей тарелкой вилку в свой салат и переглянулся со Штольцем. Тот тоже был изумлён.

– С чего это они тебя так опекают? – шепнул он мне.

Я пожал плечами.

– Катюша, – повернулся к подруге обвинённый в чревоугодии Егор, – а тебе известно, сколько энергии и жизненных сил мне пришлось потратить на перехват этого космического бродяги?

– Я же поцеловала тебя за это, – улыбнулась Катя. – Мы все тебе благодарны, что ты спас нас от гибели.

– А я не понимаю, что за ирония в голосе, – обиженно отозвался Егор. – Что не так? Смотри сама. Я говорил, что мы знаем его и не знаем? Так и есть. Мы с Юриком его знаем, а вы не знаете. Потом: я говорил, что он молод и стар? Говорил. Знаете, как мы его зовём? Дедом. Я говорил, что он последний, но стоит впереди? И точно – пришел последний, а почести ему тут, как королевской особе. Дальше... чего я там ещё говорил?

Катя обняла Егорку и закрыла ему рот своими поцелуями. Перед этим, я успел заметить, как она загадочно переглянулась с Леной.

– Штольц, девчонки вас, кажется, раскусили, – поделился я своими подозрениями.

– Мне и самому так кажется, – согласился Штольц. – Если они нам подыгрывают, значит, они хотят того же, что и мы. Меня это устраивает.

С момента моего появления, Катя и Лена пялились на меня бесцеремонно. Складывалось впечатление, что они проводят освидетельствование меня на предмет принадлежно-

сти к человеческой расе. Я бы не удивился, если бы они в открытую начали вести протокол осмотра. При этом, мне не пришлось отвечать на интересующие их вопросы. За меня все факты моей биографии излагал Штольц.

Наконец, допрос прекратился. Девчонки поняли, что я никуда не исчезну без их позволения. Теперь внимание всей публики сосредоточилось на Егорке. Он устроил нам настоящее представление. Он умел забавно изображать всё на свете: от общих знакомых, звёзд телевидения и политики до природных явлений и предметов. Он знал сотни стихов и сотни анекдотов, и знал, когда они будут уместны. В его музыкальный репертуар входили шедевры от дворовых песен до классических арий.

С первого взгляда, Вера показалась мне бесстрастной и необщительной. Но когда Егору требовалась ассистентка в его номерах, он всегда выбирал Веру. У неё получалось довольно удачно. И, кажется, не только я отметил её дарования. Катя и Лена с неподдельным изумлением впервые видели свою подругу в новых ролях.

В коротких перерывах между художествами Егорки, друзья подсаживались ко мне, чтобы выпить. А Катя и Лена информировали меня обо всех событиях в городе, стране и мире. Как будто я в самом деле прибыл из какой-нибудь космической бездны, а не в столице служил.

Было уже около двух часов ночи. Все понимали, что пора заканчивать, но никто не решался это объявить. Позже я

узнал, что, оказывается, все ждали моего сигнала. Штольц корчил мне рожи, намекая мне, что я должен разогнать по парам всю компанию. Но я забыл, что выступаю в этот вечер в качестве космического спасителя, и думал, что у Штольца просто разболелись зубы.

– Мне кажется, мы должны остановиться. Всем пора спать. Завтра нас ждут суровые будни. Что скажет пришелец? – слова Штольца заставили всех присутствующих повернуться ко мне.

Я кивнул. Все как будто только и ждали моего одобрения. Без промедления была собрана вся посуда со стола и расставлена вся мебель. Когда девчонки были на кухне, мои друзья устроили мне жёсткий разнос. По их мнению, я не предпринял за весь вечер ни малейшей попытки в деле охмурения Веры, а только ел, пил и важничал. И этим поставил под угрозу все планы на Новый год. Я был обвинён в эгоизме и нежелании оправдать возложенное на меня высокое доверие моих товарищей. Бить меня они не рискнули, но выглядели они, в этот момент, угрожающе.

Выслушать все претензии друзей ко мне, мне не пришлось. В комнату вошли Катя и Лена. В руках у них были подушки и одеяла. Они скинули их моим друзьям и в приказном тоне отправили двух моих несчастных товарищей на выход. Штольц и Егор поняли, что им осталось сделать несколько шагов до долгожданной сексуальной развязки. Но, надо сказать, в эту минуту они выглядели не победителями,

а, скорее, жертвами. Я только мысленно молил, чтобы Катя и Лена не уподобились самкам богомола и не откусили бы моим друзьям головы после соития. У нас всё-таки были кое-какие совместные планы на будущее.

Последней из комнаты выходила Катя. Она повернулась ко мне и вполголоса сообщила, что Вере завтра необходимо будет появиться в институте. С многозначительной улыбкой, Катя выразила надежду, что завтра с утра я не буду особо этому препятствовать. Я скопировал её многозначительную улыбку и утвердительно кивнул, подумав про себя: «Да пошла ты со своей Верой!» Что подумала Катя, мне не известно.

Весь вечер я ощущал давление со стороны Кати и Лены. Я прекрасно понимал, что они исподволь стараются внушить мне симпатию к их подруге. Вот из-за этого скрытого давления Вера мне сразу не понравилась. Я всю жизнь был поперечиной. «Назло маме, отморожу уши» – это про меня. Я даже не приглядывался особо к Вере. Я сразу для себя решил, что Вера – это одноразовый вариант. И только ради спокойствия моих друзей и только для встречи Нового года, я решился пожертвовать своим временем и чувствами, и вплотную заняться хозяйкой этого дома. До максимальной плотности.

В комнату вошла Вера. Она села на край дивана. Выглядела она нерешительной или чем-то обеспокоенной. Вообще, она была больше похожа на пациентку клиники, которая сидит в очереди на удаление почки, чем на хозяйку дома. Ме-

ня её вид озадачил. У меня не было достаточной практики по уламыванию скромниц. Дело в том, что с самого детства я был избалован женским вниманием сверх меры. Я не могу сказать почему. Это не какой-то секрет. Просто я сам не понимаю. Ни красавчиком, ни душой компании, ни героем-лидером я точно ни разу не был. Кто может знать, что у женщин на уме? Мне кажется, они сами не всегда могут объяснить, что заставляет их сделать свой выбор. Ещё в детстве я усвоил, что отношения между мужчиной и женщиной могут возникнуть только по желанию женщины. Характер этих отношений тоже зависит от неё. Многие мужчины, правда, считают, что в своей жизни они сами сумели завоевать понравившихся им женщин. Своей любовью, своей настойчивостью, своими дарами, своим состоянием. Наивные. Некоторые из таких «завоёванных» женщин, в доверительных разговорах со мной, довольно зло насмеялись над заблуждениями своих «завоевателей». В общем, раз уж от меня ничего не зависело, я всегда ждал, когда женщина сама начнёт проявлять инициативу. Такая стратегия сэкономила мне целый вагон нервов, сил и эмоций.

По элегическому виду Веры, я понимал, что вот от неё, какой-нибудь инициативы я вряд ли дождусь. Сам я совершенно разучился играть в обольщение. Начать наш разговор с чётких армейских команд? Учитывая мой сержантский опыт, мне это было бы не трудно. Но даже будучи неприлично пьяным, я понимал, что с Верой это будет не совсем

уместно. Может, когда-нибудь, позже, мне и стоит испытать этот милитари-стиль на ком-нибудь. Мы молчали. Долго молчали. Наконец, я заметил, что она собирается духом, чтобы что-то мне сказать. Я подвинулся к ней ближе и развернулся в её сторону, показывая, что готов её выслушать.

– Александр, я могу вас спросить?

Её голос был на удивление спокойным. Я улыбнулся и кивнул. Я постарался изобразить максимум простодушия и внимания, чтобы не спугнуть это робкое начало игры.

– Вы можете честно, без всяких деликатностей, сказать мне: как вы здесь сегодня появились?

– Во-первых, я всегда говорю только правду, – соврал я. – Дело в том, что у меня ужасно плохая память, и врать мне лучше и не начинать, – запутаюсь. Во-вторых, я появился здесь потому, что встретил своих друзей. Они меня сюда и затащили. Ну, и в-третьих, я никогда не вру, у меня память плохая.

– Понимаете, Катя и Лена, и не только они, считают своим долгом обустроить мою личную жизнь, – улыбнулась она, – вот я и подумала, что вы появились здесь по их просьбе.

– Да ты чего, Вера, – фыркнул я, – я этих Катю и Лену первый раз в жизни вижу. О чём мне с ними договариваться? Если хочешь, я тебя лучше знаю, чем их.

Вера удивилась.

– Я тебя вчера видел во сне, – пояснил я ей. – В моём последнем армейском сне. Только причёска у тебя была другая.

Конечно, при всей правдивости этого факта, моё объяснение звучало, как фраза из женского романа. Хотя откуда бы мне знать, я же ни одного женского романа не читал. Ещё один стереотип наших дней. Сохранится ли он до вашего времени?

Вера испытующе посмотрела на меня:

– Я не обидела вас?

– Слушай, Вер, перестань «выкать». То, что мои друзья зовут меня Дедом, ещё никому не даёт право общаться со мной, как со стариком. Кстати, тут где-то ещё вино оставалось. Давай на брудершафт, по-настоящему. Сначала мы выпьем, потом должны поцеловаться и, с этого момента, говорить друг другу только «ты».

Вера радостно кивнула. Я налил нам вина и ещё раз описал весь ритуал. Мы выпили, обнялись, чмокнулись. Вера засмеялась, озорно прищурилась и спросила:

– А вы... а это точно я была в твоём сне?

– А у тебя есть сестра-близнец?

– Нет.

– Значит, это ты была в моём сне. Эротическом, кстати...

Я не смог продолжить и оценить её реакцию на мой пикантный намёк. Меня закружило, и начало дико мутить. Сегодня такое состояние алкогольной интоксикации сравнивают с вертолётотом. Но поскольку я вырос в более научно-развитую советскую эпоху, для меня, это была центрифуга из Центра подготовки космических полётов. Мне сразу стало

ни до чего.

Я проснулся в восьмом часу утра. Я лежал одетый на диване под одеялом. Я вспомнил, как вчера Вера уговаривала меня остаться на ночь на этом диване, а я рвался на улицу в поисках приключений. А перед этим, в течение получаса, она помогала мне курсировать между ванной и туалетом. Большую часть закусок мой желудок, по каким-то своим причинам, отправил в унитаз. Просто чудом, туда же, в унитаз, не отправились мои глаза. Я был уверен, что они вывалятся вслед за содержимым желудка. Было очень плохо. Но, тяжелее, чем физические мучения, – это вечный утренний стыд. Это верный спутник всех пробуждений с похмелья. Даже если ты накануне мог себя контролировать, и не было в твоём поведении и в твоих словах чего-то вызывающего, всякий раз чувствуешь, что виноват. Но в то утро, основания для угрызений совести у меня были. Я не оправдал надежды моих друзей. Я чувствовал свою вину перед Верой, как женщиной. Мои метания между раковиной и унитазом вряд ли можно было засчитать как попытку охмурения Веры.

Я услышал шелест переворачиваемой страницы. Я приподнял голову, пальцами разлепил глаза и увидел в углу комнаты Веру. Она сидела в кресле и читала. После вчерашнего мне не хотелось никого видеть. А Веру особенно. Она была свидетельницей моего вчерашнего позора. Но я уже выдал себя; она отложила книгу и приветствовала меня:

– Доброе утро!

– Очень сомнительное утверждение.

Я отправился навестить моих вчерашних хороших знакомых – унитаза и раковину. Я хотел бы покинуть это дом без лишних разговоров. А если это было неизбежно, ограничиться одной прощальной фразой. Вера добила бы меня, как личность, если бы начала высказывать мне слова сочувствия и утешения.

С гадливым чувством я вернулся в комнату. На столе стояла тарелка с ярко-красным супом, тарелка с фруктами и полбутылки красного вина.

– Прошу к столу, – Вера светилась от радости за хорошо проделанную работу.

Может она ожидала услышать от меня хоть какую-нибудь благодарность. Напрасно. Я давно избавился от этой дурной привычки быть вежливым или заискивающим с похмелья. Веру моя угрюмость не смутила, она продолжала светиться. Я налил полстакана и сразу выпил. Незамедлительно я почувствовал дурноту. Желудок собирался взбрыкнуть, но ощутив тепло, успокоился. Суп показался мне очень соответствующим моменту. Остро-кисло-сладкий вкус вернул мне устойчивое положение мыслей в голове. Я уже начинал подумывать, как мне равномерно распределить вину за моё вчерашнее состояние между друзьями и их подругами. Что-то начинало говорить мне, что не так уж я и виноват во вчерашней неудаче. Я взглянул на Веру:

– Откуда такая опытность в делах похмельных?

– Меня Юра перед уходом проинструктировал, – призналась она.

– Тогда понятно, – я долил остатки вина и выпил, – надо будет поблагодарить его при случае.

– А ещё он мне дал одно поручение...

– Это он любит.

– И просил напомнить тебе о каком-то задании.

– Я своё забыл. А у тебя какое?

– Я должна уговорить тебя встретить Новый год здесь всей нашей вчерашней компанией. Ой, – замерла Вера, – он сказал, что уговаривать тебя нужно только после того, как ты допьёшь всё вино. Я поторопилась?

– Да нет, вовремя, – я показал ей пустую бутылку и очарованный искренним простодушием этой девочки, прибавил: – Можешь доложить, что своё задание ты успешно выполнила.

На этом я решил закончить своё первое письмо.

Письмо второе

Я начинаю писать второе письмо, так и не придумав, что именно я должен донести до тебя. Мне сейчас не ясно, как это сможет помочь тебе, а может и нам всем. К тому же, я выбрал не совсем подходящий стиль: слишком размыто, а местами излишне детально. Но я решил рассказывать тебе именно так, как приходят ко мне мои воспоминания.

Ещё я упустил одно из важных пояснений в своём рассказе. Я забыл тебе сказать, что в наше время ещё не было мобильной связи. Стационарный телефон был только в кварти-

ре Штольца, его отец был директором небольшого предприятия. Но пользовались мы этим каналом связи нечасто. Иногда было проще добежать до Штольца, чем найти поблизости рабочий уличный телефон. Договаривались мы о встречах или каких-нибудь мероприятиях, общаясь напрямую или через третьих лиц. Это приносило некоторые неудобства, но кто его знает, от скольких напастей нас уберегло отсутствие телефонов. От родительского контроля, например, от нежелательных встреч, от тягостных выяснений отношений и многого другого.

От Веры я поплёлся домой. По дороге заглянул на работу к маме, показаться, что живой. Хотя перед армией мои внезапные пропадания были у нас дома нормой. Ещё с шестого класса я выставил родителям условие, чтобы они не ждали моего возвращения по вечерам. Не сразу, но всё же мне удалось включить этот пункт в список семейных традиций. Обыкновенным шантажом, основы которого я начал постигать уже с шести лет, я добивался многого. Стабильное психическое здоровье мои родители сохранили лишь потому, что не видели когда и каким я приходил по ночам.

Я отмокал в ванне; странно, как быстро я вернулся к гражданской жизни. То, о чём я в армии мечтал как о наслаждении, я уже опять воспринимал как обыденность. А ведь прошло чуть более суток. В армии все мои силы были направлены на сохранение энергии. Для этого я много ел, много спал и старался ничего не делать. Теперь же получалось, что

вся накопленная в армии энергия расходовалась только на то, что есть я стал ещё больше, а делать я стал ещё меньше. Только сон перестал иметь то значение, какое имел в армии. Но я был уверен, что меня ждут впереди какие-то важные события, и энергия ещё пригодится.

Ближе к вечеру, я отправился к Егору домой. Как уверяли меня вчера друзья, всё их свободное время они были заняты подготовкой к Новому году. В действительности же их подготовка выглядела так: они сидели в комнате Егора и выгоняли остатки вчерашней хвори свежим пивом лакинско-го розлива. Весь журнальный столик был усыпан чешуёй от воблы. Из двух трёхлитровых банок одна уже была пуста, а вторая осушена на треть.

– О-о! Дедушка, присоединяйся, – протянул мне руку Штольц.

Егор налил всем пива и достал из пакета каждому по рыбине. Астраханской воблой его снабжал старший брат, который после института попал по распределению в город на Волге.

– Штольц, а давно тебя не бучкали за твоё мелкое интриганство и двурушничество? – спросил я после первых глотков.

– Ты о чём? – как мне показалось, искренне удивился Штольц.

– О твоих заданиях и поручениях. Кто кого должен охмурять? Я – Веру, или она – меня?

– Ах, вот ты о чём, – усмехнулся Штольц и повернулся к Егору: – Вот сразу видно, что человек из армии. Голова нужна только чтоб фуражку носить.

Я сделал движение в направлении Штольца, с намерением дать ему хорошего леща. Не астраханского, как ты понимаешь. Он это уловил и поторопился в своё оправдание объяснить мне свою тактику:

– Саня, Саня, погоди. Успокойся. Ты пойми, что я таким манером за тебя всю работу выполнил. Подумай: ты и так никуда не денешься, а с Верой надо деликатно. Она девушка скромная и не самая общительная. А тут ей как бы ответственное задание от всего нашего коллектива: уговорить одного очень нервного, очень недалёкого и капризного кретина... ну, то есть тебя...

– Он психолог! О, вот наука! – восхищённо вставил Егор.

Я пнул Штольца за «кретина», чтобы не забывался, но про себя согласился, что в данном случае Штольц применил точный приём. Да и мне возни меньше.

Потом, под пиво, пошли воспоминания о прошлом и планы на будущее. Теперь, когда мы снова были вместе, нам казалось, что никто и ничто не встанет у нас на пути. Да, мы ещё не определились куда именно мы должны двигаться, но теперь у нас было время это обдумать. Так нам казалось. Мы верили в главное – в то, что сможем до конца своих дней собираться вместе, чтобы трепать друг другу нервы. Егор начал изображать нас в роли старых маразматиков. Он пока-

зал, как я и Штольц будем биться за единственную, на двоих, вставную челюсть, чтобы улыбнуться проходящей мимо старушке. Сквозь наше ржание, мы не сразу расслышали звонок в дверь. Егор пошёл открывать.

Через мгновение в комнату влетели разъярённые Катя и Лена. Ни по внешнему виду, ни по искажённым от гнева лицам, ни по истеричным голосам, которые не были такими приятными, как накануне, я не смог сразу узнать в них вчерашних подруг.

– Вы за кого нас принимаете? За двух идиоток? У вас совесть есть? – выкрикивали на ходу Катя и Лена.

Их взгляд упал на столик с пивом, рыбьей чешуёй и костями. Катя зажмурилась, словно проглотила что-то очень горькое. А Лена округлила глаза и ахнула, как если бы вместо рыбьих останков, по столику были разбросаны человечьи. На моих друзей хлынул поток упрёков и оскорблений. Если Лена в своих претензиях не выходила за границы общественной цензуры, то Катя в своих выражениях себя ничем не ограничивала. С таким знанием народной фразеологии, она легко могла бы руководить бригадой строителей. Кстати, на меня гнев подруг не распространялся. Щедро одаривая моих друзей неприличными эпитетами, они всё же выкроили мгновение, чтобы мило улыбнуться и дружески кивнуть в мою сторону.

Как я понял, Штольц и Егор, уже как два часа назад, должны были выдвинуться для закупки товаров на Новый год.

Под предводительством Кати и Лены, разумеется. Нужны они были только в качестве выючных животных и живого тарана в предпраздничных очередях. Судя по пакетам и сумкам, которые девчонки не выпускали из рук, они сами неплохо справились.

Вид мои друзья имели пришибленный, но жалости к ним у меня не было. Я ждал, когда же, наконец, прозвучат последние слова девчонок: о прекращении всех отношений с моими друзьями. Это был бы отличный Новогодний подарок для нас всех. Я ничего не имел против Кати и Лены, но меня пугал их потенциал. То, что Катя и Лена захомутают моих друзей узами брака при первой возможности, я не сомневался. Я начал поддакивать каждому бранному слову, что летели в адрес Штольца и Егора. Я соглашался с любыми обвинениями, какие выдвигали им подруги. Я всем своим видом старался показать девчонкам своё возмущение и негодование тем, что Штолец и Егор оказались такими свиньями. Я тяжело вздыхал и скорбно качал головой. Старался, как мог.

Наконец, девчонки выговорились. Катя бросила сумки под ноги Егора, а Лена швырнула свои пакеты в сидевшего в кресле Штольца. Я сосредоточился, чтобы запечатлеть для истории слова окончательного разрыва отношений между девчонками и моими друзьями. Катя скрестила руки на груди и смерила тяжёлым взглядом ковыряющего дверной косяк Егорку:

– Если вы сейчас же не вымолите у нас прощения, ника-

кого вам Нового года не будет.

– Вообще больше ничего не будет, – так же скрестив руки, подтвердила Лена.

Я ждал настоящего мужского ответа от своих друзей. Они понимали, что если они начнут молить о прощении, это будет величайшим унижением и в моих глазах, и в глазах подруг. Что они выберут – вечный позор или свободу? Для меня вопрос стоял только так. Но я за два с половиной года забыл, с кем имею дело. Штольц, как мастер психологических махинаций, выбрал свой вариант решения проблемы. Он поднялся с кресла и чмокнул в щёку не успевшую увернуться Лену. Не обращая внимания на её возмущения, он обернулся ко мне:

– Александр! Ты, что хочешь можешь обо мне думать, но мне кажется, что Лена и Катя имеют право знать. Они всё-таки её подруги.

Все замерли от такого поворота. Штольц изобразил максимально карамельное лицо и указал в мою сторону:

– Вот он сидит – виновник. Втрескался в вашу Веру капитально.

Штольц одарил меня елейным взглядом и начал собирать брошенные девчонками пакеты и сумки. Он дал их Егорке отнести на кухню а сам быстро притащил домашние тапочки для ошарашенных новостью подруг и помог им разуться. Стараясь не встречаться со мной взглядом, Штольц продолжил плести свои небылицы:

– Лен, Катя, что с ним делать-то? Непонятно. Всю душу нам сейчас вымотал. Давайте ему поможем как-нибудь.

Катя и Лена, не отрываясь, заинтригованно смотрели на меня. Они механически начали стаскивать с себя верхнюю одежду и складывать её на услужливо протянутые руки Штольца.

–Так, так, так, – усаживаясь на диван начала Катя, – а ну, давай, рассказывай, что у вас там произошло.

Но вместо меня рассказывать заторопился Штолец. Он на ходу сочинял историю моей внезапно вспыхнувшей любви к их подруге. Сочинение его, на мой взгляд, выходило довольно приторное, примитивное и без малейшей опоры на логику. Я был уверен, что через несколько минут Штолец сам себя закопает своей брехнёй. Но девчонки слушали его очень взволнованно. Штолец не напрасно потратил свой досуг на просмотр бразильского сериала с Ленкой и её мамой. Чувствовалось, откуда ноги растут. Из телевизионной бразильской жопы, можно сказать. Егор тоже подключился к сказкам Штольца. Он расцвечивал его безвкусные сочинения романтическими оттенками. А мне, как и накануне, досталась роль тургеневского Герасима. Когда Катя и Лена хотели что-то у меня уточнить, им наперебой бросались отвечать Штолец и Егор.

Этот гадёныш Штолец выбрал безошибочный план примирения с подругами. Я ещё раз убедился в словах Егора, что Штолец хороший психолог. Я бы ещё выше оценил его

мастерство, с каким он погасил разразившуюся грозу, если бы он не выставил именно меня в качестве громоотвода. Признаюсь, меня так и подмывало сделать удивлённые глаза и спросить Штольца о чём это он здесь рассказывает, и когда он это всё успел придумать. Но я, конечно же, великодушно промолчал – такая умиротворённая атмосфера воцарилась в комнате. Лена сидела в кресле, а Штолец, сидя рядом на полу, прислонился затылком к её ногам. И Лена, поощряя такой неприкрытый подхалимаж, время от времени теребила шевелюру Штольца. Егор поступил хитрее. Он усадил свою Катю себе на колени и из-за её спины корчил мне рожи умоляя не разрушать наступившее перемирие.

Я смиренно слушал все лживые басни Штольца, но начал терять свойственное мне хладнокровие, когда в мою сторону посыпались советы и пожелания успеха в сердечных делах с Верой. Девчонки принялись рассуждать вслух, каким я должен стать, чтобы добиться ответного чувства в Вере. То, что их подруга является той самой счастливой звездой, что озарит мой жизненный путь, было для них несомненно и даже не обсуждалось. Моё терпение заканчивалось ещё и потому, что Штолец и Егор начали с энтузиазмом подпевать всей девичьей галиматье. Это уже было пресмыкательство. Я не мог спокойно на это смотреть. Я довольно резко заявил, что не готов публично обсуждать свои чувства. И лучше, для общей пользы, подчеркнул я, этот разговор закончить. Это было скрытым предупреждением Штольцу. Он не дурак – он

сразу понял и заткнулся. Я сослался на какое-то неотложное дело и отправился домой.

На следующий день я пришёл к Егору с намерением провести со Штольцем воспитательную беседу в лёгкой и доступной форме. После рукопожатий я отвесил Штольцу отложенного вчера смачного «не астраханского» леща. Он сделал попытку ответить. Мне пришлось применить для его усмирения экспресс-метод, который мы называли между собой «залезть в душу». Это, когда указательным пальцем-крючком давишь сопернику в углубление между шеей и ключицей. Штолец корчился и надрывно повизгивал. Я не отпускал его, пока он не произнёс заветной фразы: «Дедушка, прости засранца!»

На столике, где вчера стояло пиво, стояли две чашки. На этот раз друзья пили кофе. Егор принёс чашку кофе и для меня. Мы с Егором начали обмениваться новостями. А Штолец в это время старался не поворачиваться в нашу сторону. Он сидел в кресле, подпирая голову рукой, и обиженно сопел. Он очень хотел влезть в разговор, но мешало ему то, что он считал себя несправедливо наказанным. Не меняя позы, голосом поруганной добродетели, он обратился к Егору:

– Вот почему так происходит, Егор? Человек старается, из кожи лезет вон, идёт на обман и клятвопреступление, чтобы облегчить человеку жизнь, – Штолец указал на меня, – а в ответ, вместо элементарной благодарности получаешь хамское обращение.

Штольц смотрел на нас уверенный в том, что мы, с Егором, обязательно кинемся к нему с расспросами: что и как. Мы сразу догадались, что Штольцу хватило времени, чтобы подготовить оправдание своему вчерашнему поведению и что-то предъявить ему выйдет себе дороже. Мы рассмеялись.

– Ну, давай, что там у тебя, хитрожолая гадина.

– Эх, Саня, – укоризненно покачал головой Штольц, – ты не с кулаками должен лезть ко мне, я с благодарностью и всякими дарами. Такой мы тебе алмаз выцепили из недр человечества.

– Это ты про Веру?

– Да. Вот ты вчера сбежал, а мы с Егором ещё часа три слушали девчонок, какая Вера распрекрасная...

– Вообще-то, хороший товар в рекламе не нуждается, – перебил я Штольца.

– Это не тот случай, – вставил Егор.

– Совсем не тот, – подтвердил Штольц. – Я назову тебе только некоторые преимущества, которые ты безвозмездно получаешь от нас с Егорчиком в дополнение к Вере. Которая, как мы выяснили, даже без всяких дополнений, сама по себе, ценный подарок.

Штольц заметил, что Егор слегка напрягся от его делового подхода. Но, Штольца это не смутило:

– Во-первых, ты сразу получаешь место для свиданий. Вера живёт одна – никаких помех. Конечно, жилище доистори-

ческое, но вполне себе пригодное для ночёвок. Во-вторых, Ленка мне шепнула, что дед у Веры был академиком. После него осталась квартира в Москве. Правда там живёт её тётка, но тётка одинокая, без наследников. В третьих, мать у Веры лет пять назад погибла. При всей трагичности, делаем вывод, что тёщи тебе в будущем не грозит.

После этих слов Штольца, Егор весь съёжился и покраснел:

– Ты это, Штолец, всё так представил, как будто в этом есть твоя заслуга

– Ну, ладно, ладно, Егорчик. Может и по-свински как-то выходит, но если отбросить все сантименты, разве это не плюс?

Меня вообще не возмутил цинизм Штольца, меня смущило другое:

– Нет, Штолец. Представь себе, что у меня с этой Верой не покатит, или она мне быстро надоест. Скорее всего, так и будет. Тогда что?

Штолец пожал плечами.

– А я тебе скажу: в глазах мировой общественности, я буду выглядеть последним негодяем, который обидел сиротку. Ваши Катя и Лена мне первые череп вскроют и мозг выключают. Да вы сами будете им подсвистывать. Я вчера уже такое видел.

Егор сопел и ёрзал в кресле. Ему наш деловой разговор был неприятен, и участвовать в нём он не собирался. Он взял

своего любимого Пушкина и уткнулся в книгу. Штольц подошёл к нему и слегка раздражённо спросил:

– Ну, а тебе-то, что не так?

– Знаешь, Штольц, – не отрываясь от книги, ответил Егор, – не на всякую тему стоит хохмить. И не всякое событие записывать в свой актив.

– Ну, ладно, Егорчик. Херню спорол, согласен, – Штольц засунув руки в карманы заходил кругам по комнате. – Ну, виноват, ну, занесло чуть-чуть, с кем не бывает.

Штольц ещё пару минут прошагал в полной тишине и вдруг развернулся в сторону Егора:

– Там девчонки вчера «Рябину на коньяке» притащили, кажется. Может прищучим одну?

Егор поднялся из кресла и прошёл к праздничным припасам.

Когда мы допивали вторую бутылку «Рябины», Егор неожиданно вернулся к разговору о Вере и поделился со мной своим мнением о ней:

– Знаешь, Дед, девчонка она неплохая...

– Да, да, – немедленно перехватил Штольц, – я вам даже доказательства могу привести. Слушайте, как я это понял. Вчера, когда Лена и Катя нам Веру расхваливали, я обратил внимания на то, что делают они это совершенно бескорыстно и без оговорок. Надо знать женщин, чтобы это оценить. В разговоре со своим мужчиной, женщина никогда не будет говорить о другой женщине только хорошее. Даже, ес-

ли это её подруга или сестра. Они никогда не забывают, что другая женщина для них соперница. Если уж начнет, не подумав, расписывать тебе достоинства другой, то обязательно припомнит и какой-нибудь изъян, хотя бы мелочный. Например: «У меня замечательная подруга. Просто умница и очаровашка. Ей бы только эту деревенскую походку сменить и бельё научиться выбирать». А вчера? Егорчик, ты слышал что-нибудь похожее?

– Нет, – покачал головой Егор.

– И я нет, – заверил Штольц. – Ты знаешь, Егорчик, я даже где-то начинаю завидовать Деду. А ты?

– Я тоже, – вздохнул Егор. – А дуракам всегда счастье.

– Это точно, – подтвердил Штольц и попросил Егора принести третью бутылку «Рябины».

К Новому году – Году Белой лошади, мы подошли, по выражению Егора, как последние свиньи. В этом он прав. Пить мы начали за четыре дня до самого Нового года. С той самой «Рябины на коньяке» всё и закрутилось. Катю и Лену мы в эти дни видели эпизодически. Каждый день они вламывались в Егоркину квартиру, видели, чем мы заняты, кричали, что праздник для нас отменяется, хлопали дверью и исчезали до следующего дня. Их набеги были сродни атаке легкой кавалерии под Балаклавой, – напористыми и бессмысленными. Ни Штольц, ни Егор не успевали даже попытку примирения сделать. А я при появлении девчонок всегда старался изобразить трезвого и совершенно непричастного к этой

мерзкой вакханалии. Не могу судить, насколько это мне удалось, но приветственные взгляды девчонок в мою сторону всегда оставались доброжелательными.

На Новый год всё каким-то чудесным образом устаканилось. Не знаю точно, но мне кажется, над этим поработал Штольц. Все грехи были прощены. Я не услышал ни одного упрёка от девчонок в сторону моих друзей. Само Новогоднее торжество прошло замечательно. В глазах нашего сообщества мы с Верой получили официальный статус пары. Хотя ни я, ни Вера особо не хлопотали, чтобы попасть в эту категорию. Мы не были уверены в наших отношениях, насколько они будут продолжительными.

Мы долго сближались с Верой. По человечески, я имею в виду, а не физически. Меня всё устраивало; своё удовольствие от близости с ней я получал. А переживания неопытной девушки меня совершенно не беспокоили. Я не собирался даже интересоваться её душевными волнениями.

Прошли праздники, и я стал чаще общаться с Верой наедине. Друзья со своими подругами перенесли свои свидания в более комфортные места, чем старый дом на Нариманова. Признаюсь, что на каждое свидание с Верой, я шёл, как на последнее. Мне было безразлично, что обо мне будут говорить Катя и Лена, после того, как я расстанусь с Верой. Дело было не в самой Вере. Дело было в том, что, как ни крути, а Вера была мне «предоставлена» друзьями и их подругами. А в моём восприятии, это выглядело, что она мне «под-

сунута». Для меня вопросы независимости и свободы выбора всегда были очень чувствительными. Встретился бы я с Верой при других обстоятельствах, я точно заинтересовался бы ею. Ну, а так выходило, что Катя и Лена просто спихнули мне свою подругу, и при этом, я обязан изображать, что это мой выбор.

Ещё одно наблюдение настораживало меня. Я видел, что Катя и Лена, которые говорили о Вере, как о лучшей подруге, относятся к ней как-то странно. Вера была для них не до конца «своя». Разумеется, первым делом, я подумал, что им известно о какой-то особенности Веры, о которой мне не посчитали нужным сообщить, чтобы не спугнуть раньше времени. И поначалу, я был уверен, что очень скоро стану свидетелем какого-нибудь проявления Вериной неадекватности.

Сам я всегда разделял человеческую ненормальность на две категории: на квалифицированных психов и просто – людей со странностями. По выражению Штольца – припизднутых. Квалифицированные психи – это те, кто вольно или невольно, по разным причинам, находятся под наблюдением и попечением официальной медицины. А люди со странностями – очень расплывчатая категория. Это предвзятое восприятие обществом или отдельными людьми других людей, которые не соответствуют их нормам. Я говорю не о моральных уродках, до которых не успела добраться официальная психиатрия. Я имею в виду людей не желающих вписываться

в установленные обществом рамки. Для меня, если человек не тычет всем в глаза своей инакостью, если его своеобразие не мешает окружающим, это даже интересно. Прежде всего, мне это нравится в женщинах. Женщина с чужинкой в сотни раз интереснее, самой блистательной дамы из общества .

Никаких психических заворотов от Веры я так не дождался. И сегодня я могу сказать, что благодарен Небесам, что так и не нашёл в ту пору повода прекратить с ней встречаться. Сейчас уверенно можно заявить, что без знакомства с Верой, моя жизнь была бы спокойнее, прозаичнее и даже безопасней. Но уж точно не такой интересной.

После праздников я, по совету Егорки, устроился в компанию, где работал он сам. Мы стали трудиться вместе на одном, из немногих появившихся в ту пору, частном коммерческом предприятии. А Штольц днём учился в институте, а после учёбы подрабатывал в конторе, директором которой был его отец. С Егором мы хотя бы виделись на работе, а Штольца я почти не видел. Мы уже не могли вместе проводить свой досуг. Встречаться с друзьями я теперь мог только, когда это было угодно Кате и Лене, и только в их присутствии. А это было похоже на свидание в следственном изоляторе: разговаривать можно только на нейтральные темы и существует перечень запрещённых предметов, с которыми нельзя приходить на свидание.

Я понимал, что наша жизнь становится по-настоящему взрослой, а не такой, какой мы её себе рисовали. Я видел

вокруг, как мои ровесники поглощаются и перевариваются жизнью. Они безропотно следовали тем распорядкам и правилам, которые были установлены ещё до наших дней. Меня сильно раздражало, что к этому они призывали и меня. Бунтовать против этого я не собирался. Я был слишком ленив для этого, и мне было просто наплевать. Для меня всё всегда должно идти только по-моему. Я всю жизнь был убеждённым эгоистом. Используя лицемерие, присущее каждому эгоисту, мне всегда удавалось скрывать свою истинную сущность от широкой общественности. Для меня, важнее всего было не превратить свою жизнь в скучную. Благоустройство и место в общественной иерархии меня никогда не интересовали. Даже мои друзья считали это блажью. Егор считал, что это со временем пройдёт, а Штольц возмущался: «Зачем вычупиздывать? Всё уже придумано до нас».

Я не могу сказать, что мы отдалялись или становились чужими, но прежними мы уже точно не были. Мои друзья тоже понимали это, но относились к этому слишком спокойно, как мне казалось. Я старался избегать разговоров с ними на эту тему. Я стал чаще общаться с Верой, чем с ними.

Не подумай, ничего похожего на любовь к ней у меня даже рядом не пробегало. Мне было интересно с ней, или лучше сказать – занятно. Сначала, для общения с ней, я выбрал для себя роль воспитателя. Я вёл себя свысока и чуть снисходительно. Я втолковывал ей прописные истины о жизни в обществе, которых сам никогда не придерживался и не соби-

рался придерживаться в будущем. Иногда я считал себя исследователем. Объектом моего исследования, как ты понимаешь, была Вера. Надо признать, я мог бы стать неплохим научным работником. Я подошёл к делу максимально объективно. То, что я открыл в Вере, меня приятно удивило. Я полагал, что изучаю лабораторную мышь, а оказалось, я наткнулся на более сложный организм. Может сложнее меня.

Вначале я ходил к Вере по выходным. Потом стал заходить через день, а с середины февраля перебрался к ней, как к себе домой. Мне нравился старый дом на Нариманова; в нём ощущались и величие, и усталость столетнего духа. Я приходил в восторг, когда натыкался на метки прошлого: кованые дверные засовы, кирпичи с клеймами заводчиков, медные шпингалеты и ручки дореволюционных времён на окнах. Под деревянной лестницей на второй этаж стоял большой сундук. В нём я нашёл связки журналов и газет тридцатых и пятидесятых годов. Да и сама лестница притягивала взгляд своей основательностью. Некоторые стойки и балясины разошлись, но все прочно занимали своё место, предназначенное им век назад. Дубовые перила были отполированы руками жильцов нескольких поколений, а ступени лестницы, теми же жителями, были протоптаны дугой посередине.

Ещё я с удовольствием взял на себя роль кочегара. Отопительный котёл находился в полуподвале. Он был встроен в горнило старой печи. Я быстро разобрался с принципом работы котла и достиг максимальной производительности все-

го процесса. Я научился отапливать жилую часть дома, с вечера до утра, используя всего три-четыре полена и два ведра угля. Весь секрет был в том, чтобы правильно выложить последнюю порцию угля в топке: в определённой точке в форме пирамиды. Плюс отрегулировать поддувало и задвижку дымохода. Пирамида сохраняла свою форму до утра, но разваливалась от лёгкого прикосновения кочергой: она была выжжена изнутри. Шикарное зрелище.

В начале марта, через моих друзей, от Кати и Лены я получил предупреждение, что Восьмое марта Вера не отмечает. Этот день был для неё днём скорби. В этот день пять лет назад погибла её мать. Передав мне послание девчонок, Штольц не упустил возможности отметить это обстоятельство, как несомненный бонус: Вера никогда не будет требовать от меня ни дурацких подарков, ни романтических причуд в этот день. Я не стал упрекать Штольца в цинизме, я знал какой «романтический» сюрприз ждут, а лучше сказать – требуют, от моих друзей их подруги. Катя и Лена решили, что в этот день, наряду с подарками, которые никто не отменял, друзья должны торжественно объявить всему свету о помолвке. По мрачным физиономиям Егора и Штольца, я понял, что это уже неизбежно и участь их решена.

После разговора с друзьями, я отправился к Вере. Мне жутко не понравилось, что о её трагедии я узнал не от неё самой. Не могло же быть так, что она «просто забыла» сообщить мне это. Я увидел в этом признак того, что Вера не счи-

тает меня настолько близким человеком, чтобы делиться со мной сокровенным. Мне стало обидно, и я бы возмутился, если бы в этом не было моей вины. Я же сам всё время повторял ей, что в её жизни, я всего лишь временное явление. Как сон, как утренний туман. Я говорил ей об этом намёками, а иногда и прямым текстом. Но сейчас я был раздражён тем, что она с этим согласилась. Я вспомнил, сколько раз я бесцеремонно прерывал её, когда она пыталась начать разговор о своей семье или интересовалась моей. Тогда мне казалось, что это, своего рода, защита от посягательств на мою свободу. Она хотела, чтобы мир стал общим для нас. А мне был нужен мир, который будет только моим. Я решил объяснить с ней напрямую. А может я просто искал настоящей ссоры. Финальной, которую я ждал всегда.

На подходе к дому я заметил, как из арки Вериного дома выходит пожилая пара. Старушка держалась под руку со своим спутником. Двигались они не спеша. Когда я поравнялся с ними, они улыбнулись мне как знакомому. Я, конечно, понял, что это парочка бывших жителей этого дома и кивнул им. Они тоже ответили мне. Старик сухо, а его дама аристократично.

Я поднялся к Вере. Встретила она меня привычно приветливо, но я увидел по её глазам, что до моего появления она плакала. Это сразу сбило мой настрой на откровенный разговор. Я спросил о повстречавшихся мне старичках. Вера всё рассказала. Это был отставной полковник с женой. Они

приходили, чтобы обсудить завтрашний день. Каждый год, седьмого марта, все соседи собирались вместе, чтобы помянуть Надежду Николаевну. Организацию поминок каждый год брали на себя отставной полковник с супругой.

– А твой отец будет? – спросил я Веру.

– Нет, он сейчас далеко, – ответила она.

В её интонации я не уловил какой-нибудь обиды на отца. Не знаю, зачем я спросил про него. Я никогда не говорил с Верой о её отце. Я думал, что он давно завёл новую семью и с Верой они не общаются. И меня это очень даже устраивало. Я не стал расспрашивать Веру об их отношениях. Я видел, что ей сейчас тяжело, и решил закончить поскорее разговор.

– Я приду? – спросил я Веру.

– Да, – она посмотрела на меня, – я должна была сказать тебе обо всём раньше.

Я подошёл к ней и обнял. Она замерла. Такое было для неё в диковинку. Дело в том, что я всегда старался избегать любых проявлений нежности. Все эти поцелуи, объятия, ласки уместны только в постели, считал я. За пределами постели все эти выражения чувств превращались для меня в телячьи нежности, и были признаками слабости. А быть слабым я очень не хотел.

Седьмого числа, к могиле матери, вместе со всеми, я не поехал. Я сказал Вере, что не смог договориться с начальством на работе, что отпустить меня смогут только к обеду. На самом деле, я просто не хотел показываться на кладбище

в присутствии незнакомых людей. У меня с детства вид надгробий вызывал неадекватную реакцию. Рассматривая фотографии на памятниках, я не воспринимал изображённых людей, как умерших. Даже на самых серьёзных и суровых лицах мне мерещилась тень улыбки. Я никогда не видел среди них ни злых, ни страшных, ни дурных. Я видел только добрых и достойных людей и даже был готов поговорить с каждым из них. Я ни разу не видел, чтобы на могилу приходили с руганью или проклятьями. Живые приходили к мёртвым только с добрыми словами. До зрелого возраста у меня сохранилось впечатление детства, что кладбище – это не место для печали. Это место какой-то тихой, но всё же радостной встречи. И уж вроде взрослый человек, знаю, как положено вести себя на кладбище, а всё равно – забываюсь, и через минуту невольная неуместная улыбка не оставляет на серьёзном лице ни пятнышка скорби. Хоть самого здесь клади в ямку и засыпай землёй.

Я пришёл на Нариманова после полудня. Я поднялся на второй этаж и увидел через открытую дверь, что все собрались в квартире отставного полковника. Человек там было около двадцати. Столы были расставлены буквой «П». Когда я показался в дверях, меня сразу заметила и взяла под опеку жена полковника. Она провела меня к столу на приготовленное для меня место рядом с собой. Она знала меня по имени и коротко представила меня сидевшему рядом мужу и представилась сама. Ольга Васильевна была под стать свое-

му мужу, среднего роста подтянутому старичку. Она наполнила мою тарелку закусками, а Дмитрий Дмитриевич налил мне стопку водки.

Народ на поминки пришёл разнообразный. И по возрасту, и по достатку, и по образованию. Сама Вера сидела в стороне от меня за столом, который я назвал про себя «детским». Рядом и напротив неё сидели дети от семи до десяти лет. Каждый торопился поделиться с Верой чем-то важным. Она постоянно наклонялась над столом, чтобы выслушать кого-нибудь из них. А девушка лет шестнадцати, которая тоже сидела за «детским» столом, неумело маскируясь, всё время рассматривала меня. Я понял, что уже записан всеми присутствующими в жениха Веры.

Дмитрий Дмитриевич поднялся, и за столами сразу смолкли все голоса. Он здесь пользовался несомненным уважением. Полковник как-то особенно проникновенно произнёс дежурные слова, что звучат в таких случаях, и по комнате прошёл одобрителный шёпот. Все выпили. Всё пошло как на всяких русских поминках. Время от времени, кто-нибудь вставал и произносил, как умеет, слова об ушедшей в мир иной Надежде Николаевне, и все выпивали. Жена полковника вполголоса знакомила меня с присутствующими. Для каждого из гостей у неё находились только превосходные характеристики. Можно было подумать, что меня каким-то образом занесло на встречу последних праведников Земли. Особенно меня умилила референция данная ею соседу-ал-

коголику: золотая и бескорыстная душа.

Иногда я выходил покурить в коридор вместе с кем-нибудь из гостей. Мужики задавали стандартные вопросы: кто, откуда, где работаю, где служил и прочее. Женщины со мной не разговаривали, а только разглядывали: оцениваяюще, но не заносчиво. Все держались со мной доброжелательно, а две старушки открыто любовались мной и старались погладить каждый раз, когда я проходил рядом с ними.

Наконец, полковник произнёс последние поминальные слова соединив их с напутствием Вере. Все стали собираться. Женщины быстро разобрались с оставшимися закусками и посудой. Я помогал выносить столы, стулья и лавки. Это был дежурный комплект мебели для общих застолий в этом доме. Раньше он использовался на все праздники, но сегодня все понимали, что, скорее всего, это последний раз, когда все жильцы собрались вместе в этом доме. Вероятно, поэтому все были так трогательно внимательны друг к другу.

Провожать гостей мне пришлось, можно сказать, официально, в статусе «жениха», стоя об руку с Верой. Именно этого я и боялся идя на поминки. Но теперь меня это даже не бесило, почему-то. Я размяк в общем благодущии. Последними мы прощались с полковником и его супругой. Дмитрий Дмитриевич впервые за всё время обратился ко мне напрямую:

– Рад был нашему знакомству, Александр. До встречи!

Теперь, когда не осталось других жильцов в доме, мы за-

крывали общую входную дверь в нашу часть дома длинным кованым крючком. Все шесть квартир на двух этажах, за исключением конторы, были в нашем распоряжении. У Веры, как последней жительницы, хранились ключи от всего дома. Я мог бродить по всему дому, выискивая следы пребывания других людей. Через общий чердак я пробирался в две другие части дома, которые уже не отапливались, двери и окна которых были заколочены с улицы досками. Не знаю, что меня влекло к изучению отпечатков чужих жизней. Я любил по найденным мною следам размышлять, как могли бы жить те люди, что было для них важно, что их радовало или что их печалило. Конечно, мои фантазии нельзя было проверить, но всегда такие упражнения приносили мне какой-то энергетический заряд.

Вера наводила порядок, моя помощь ей не требовалась. Я пошёл за сигаретами на Гагарина. В толпе на троллейбусной остановке я увидел Штольца и Егора. Впервые за долгое время я встретил их без навязчивого эскорта в виде Кати и Лены. Я предложил им пойти на Нариманова и отметить их временное освобождение. О полной амнистии для друзей я уже и не мечтал. Штолец отговорился тем, что они выполняют одно важное поручение своих родителей. По тому, как смутился Егор, я понял, что Штолец мне врёт. А соврать он мне мог только в одном случае: ему стыдно признаться, что оказались они здесь по прихоти своих припухших от безнаказанности подруг. Я сразу понял, что они рыскали по цен-

тру в поисках подарков для своих повелительниц. Позднее это подтвердилось. Штольц и Егор вскочили в подошедший троллейбус, а я пошёл к Вере. На фоне подруг моих друзей, она всё чаще казалась мне святой.

Пред аркой дома стояла иномарка. Причём, не автохлам, который уже начал проникать в город, а совершенно новенький «Вольво». Я открыл дверь квартиры и сразу понял, что к Вере прикатила её московская тётушка. Достаточно было сопоставить иномарку перед домом, кожаное пальто на вешалке и итальянские сапоги на обувной полке. Из кухни тянулся шлейф дорогого парфюма, который не мог перебить даже запах приготовляемой жаренной картошки. Я остановился на пороге кухни. Вера представила нас друг другу. Тётка холодно кивнула.

Тётя Света выглядела на свои сорок лет, хотя сразу бросалось в глаза, что она не жалеет средств и времени, чтобы соответствовать молодёжным стандартам красоты. Одетая она была во всё «фирменное», как тогда говорили. На мой взгляд, немного полновата. Но моё мнение навряд ли было интересно тёте Свете. Она настойчиво старалась не замечать моё присутствие. Она всячески старалась показать мне, что пятно на обоях ей гораздо интереснее, чем моя персона. Я, не привлекая к себе внимания, ушёл в комнату дочитывать книгу. Книжки занимали всё пространство Вериней квартиры, с пола до потолка. В армии я истосковался по хорошим книгам и теперь навёрстывал упущенное.

Почитать мне не дали. Вера и тётя Света начали накрывать стол в комнате. Я заметил, что в присутствии Веры, тётка смотрела на меня вполне миролюбиво, но стоило мне остаться с ней один на один, тётка смотрела на меня брезгливо. Как на помойного кота, которого она вдруг обнаружила на пороге своего дома. И она стояла перед выбором: дать пинка в направлении помойки или угостить куском заветренной колбасы.

За столом говорила, в основном, тётя Света. Она много хорошего сказала о матери Веры. В бокалах у нас было вино, которое привезла тётка. Я, можно сказать, с юных лет начал знакомиться со всем разнообразием вин, которые можно было найти на просторах одной шестой части суши, но к тёткину вину я оказался не готов. Вино тётки Светы вызвало во мне немое восхищение. Я начал украдкой изучать бутылку, в надежде отыскать такое вино в будущем. Тётка заметила и мой восторг, и мой интерес к вину:

– Вино из Италии. Его делает один аристократ по древнему семейному рецепту. Всё хранится в жутком секрете. Такое вино и в самой Италии не найдёшь.

Тётя Света выпила только один бокал, сказав, что ей скоро уезжать. Вера не пила. И всё вино доставалось мне. Я сразу же простил тётке все её презрительные гримасы в мою сторону. За то прекрасное вино, рецепт которого, к тому же, скрывался от всего мира, я был готов простить многое.

Мы посидели меньше часа, и тётка начала собираться. Ве-

ра просила тётю Свету остаться, но тётка отговорилась тем, что в Москве её ждут неотложные дела. Она обняла Веру:

– Ну, что я старая буду вам мешать? Пусть лучше твой молодой человек пойдёт мне машину прогреет. Справишься? – она повернулась ко мне и бросила ключи.

Я справился. В салон пошло тепло. Я сидел и дивился качеству зарубежного автомобилестроения. Наконец, в арке показалась тётя Света. Я вылез из машины и направился к дому, даже не претендуя на тёткино внимание. Но она на ходу жестом остановила меня и развернула к машине. Она открыла мне дверь, приглашая меня в салон на пассажирское место. Я был уверен, что сейчас услышу кучу гадостей о себе. Недаром же она с таким отвращением старалась меня не замечать всё время. Мне было смешно: что такого она могла знать обо мне, чтобы так меня рассматривать. Мы вместе закурили. Тётя Света, к моему удивлению, начала разговор спокойным и бесстрастным голосом:

– Ну, что, Саша, не успела я тебя изучить – времени не было. На размазню ты вроде не похож, и то ладно. Мне ведь всё равно, что у вас там с Верой: любовь или просто так – гормоны гуляют. Уясни себе одно: девочка она золотая, и из этого болота я её вытяну. Пусть учёбу закончит, и я всё решу.

Я плохо понимал, что за человек эта московская тётушка и что она хочет. Я сидел молча, курил и ждал конкретики.

– Ну, вот чего они добились? Чего достигли? С чем оставили свою дочь? Да ни с чем. Правду можно искать, но лет

до семнадцати. Никто не может поменять эту жизнь. Надо приспособливаться. Тем более, если у тебя есть талант и возможности. Я считаю, жизнь удалась, только если твой ребёнок счастлив и у него всё есть. Разве не так?

Я всё время, что говорила тётка, вздыхал, с разнообразной степенью тяжести, вскидывал брови, поджимал губы и качал головой. Конечно, у тётки сложилось впечатление, что я так реагирую на её рассуждения вслух, но я, на самом деле, не понимал, что её так завело.

– Вы о родителях?

– О ком же ещё? А что ты вообще о них знаешь?

– Вообще? Много хорошего от людей.

– От кого? – презрительно ухмыльнулась тётя Света. – От этих юродивых? Устроили здесь Парижскую коммуну. А ты сам-то не из них?

Я небрежно засмеялся, чтобы дать понять тётке, что я точно не из «них». Хотя и был не в курсе, что она имеет в виду. Я понял, что в разговоре с тёткой необходимо отвечать расплывчато. Делать вид, что мне кое-что известно из того, что она говорит, и почаще соглашаться с её тезисами, чтобы расположить её к себе. В словах тёти Светы, я уловил главное: она хочет перетащить Веру к себе в Москву. Её желание затащить племянницу под свою опеку, было решением моего запланированного расставания с Верой. Ведь должно же это было случиться рано или поздно. А в этой ситуации получалось, что уже не я был инициатором нашего расставания.

ния, а её родная тётя. И тогда я спокойно смогу сказать: ну, так бывает в жизни.

Тётя Света становилась теперь моим единомышленником. Доводы у нас с ней были разные, но цель была одна. Тётка уже казалась мне милой доброй феей, которая взялась помочь своей несчастной крестнице. Опять же, какое замечательное вино она привезла. Ну и что из того, что сначала она смотрела на меня как на недоразумение. Это была её ошибка, за которую я уже простил её. И у меня появилась возможность потихоньку выяснить у тётки то, что я даже не пытался узнать у Веры: о её семье. Тётю Свету не надо было подгонять вопросами. Она сама увлеклась воспоминаниями вслух.

Константин Алексеевич был старшим братом тёти Светы. Их отец был крупным учёным. Из тех многочисленных регалий их отца, что перечислила тётка, мне запомнилось тогда, что он был академиком, Героем Социалистического труда и Лауреатом Государственной премии. Костя и Светлана были поздними детьми. Таких обычно балуют сверх меры. Но тётя Света уверяла, что воспитание у них было спартанское. Изнежиться и вести жизнь академических отпрысков им не давала их мать. Она была человеком строгой партийной закалки. По мнению тёти Светы, она была чересчур строга.

Костя рос и сообразительным, и трудолюбивым, но уж слишком своевольным. Ему легко давались все предметы, но к нему были постоянные вопросы по дисциплине. Он

мог спорить с учителями, часто спорил с отцом, с друзьями. Единственным человеком, кого Константин выслушивал без возражений, была их мать. По совету отца, после школы, Костя всерьёз занялся в математикой. Судя по тому, как написала тётка, все ему давалось легко. Никто не сомневался в его блестящем будущем. А в личной жизни ему поспособствовала сама тётя Света. Это она познакомила брата со своей однокурсницей. Светлана и Надежда учились на факультете журналистики.

Всё у Константина и Надежды складывалось отлично. Перед молодой семьёй лежала прямая, как кратчайшее расстояние между двумя точками, дорога к счастью.

– С брата, конечно, всё началось, – тяжело вздохнула тётя Света. – Но он всегда был такой увлекающийся, а вот как она во всё это втянулась?

Если убрать все поминутные ахи и охи тёти Светы, я понял следующее. Её брат предложил применить выведенные им алгоритмы сначала в статистике, потом в истории, а потом и в языкознании. Этим никто не заинтересовался, и Константин Алексеевич занимался этим самостоятельно с немногочисленной группой таких же, как он, энтузиастов. Вроде никому не мешали и не переходили дорогу. Но среди коллег это вызвало возмущение. Ему выдвинули ультиматум, чтобы он прекратил все свои исследования. Какой-то деятель объявил их антигосударственными. Сверху попытались воздействовать на Константина через отца. Потом по-

обещали неприятности самому отцу. В общем, работу ему пришлось оставить, а через некоторое время, он с женой и маленькой дочкой перебрался жить во Владимир.

– Вот скажи мне, – тётя Света сделала возмущённое лицо и нависла надо мной, – зачем нужно было бежать из Москвы и тащить семью в это болото. Ещё раз: бо-ло-то! И не говори мне, что это не так. Он даже не работая смог бы обеспечить семью, если бы остался дома. Его никто не гнал.

Я молчал. Эта семейная трагедия меня не взволновала ни грамма. Но для приличия, что-то похожее на взволнованность я всё же изобразил: я резко схватил без спроса тёткину пачку сигарет, достал одну и нервно закурил.

– Конечно, Костя виноват, – продолжила тётка тоже закуривая, – но она! Я удивляюсь. Вместо того, чтобы мужа с небес на землю спустить, стала первой его сообщницей. Боролась я за них бешено. Да что толку, почти врагами с ними стали. У них свой мир, свои идеи, свои заскоки...

– Понятно, – сказал я, – диссиденты.

– Да какие, нахрен, диссиденты, – воскликнула тётка. – Если бы диссиденты, это ещё куда ни шло. Уже года два могли со своего диссидентства пенки снимать. Нет, тут похуже.

Тётя Света опять запричитала. А я хоть и не понимал её трагического отношения к их семейным событиям, сочувственно кивал головой, в качестве моральной поддержки. Наконец, тётка успокоилась.

– Светлана Алексеевна, – я решил поделиться своими

мыслями, – вы сами говорили, что если бы брат остался в Москве, они бы не бедствовали.

– Да он вообще мог не работать, – подтвердила тётка. – писал бы себе... чего он там писал.

– То есть, над чем-то он всё-таки работал. Вы откуда знаете, что то, чем он занимался не имеет никакого значения. Сейчас даже к тем, кого считали сумасшедшими, отношение пересматривается.

– Молодец! – хлопнула меня по коленке тётя Света. – Ну, конечно!

Правда, поняла меня тётка по-своему. Она тут же включила свою московскую деловитость:

– Вот, что значит свежий взгляд. Да сейчас любую дрянь, любой бред можно продать. Да с биографией поработать. Он же в полном смысле слова – жертва тоталитарной системы. В этом что-то есть. Займись-ка этим, разузнай, что он там наворотил. Я в долгу не останусь. С Верой только поосторожнее. Это она на вид простовата, а на деле – она нас всех на три головы выше. А поможешь её в Москву вернуть, я отблагодарю. Возможности у меня есть, не сомневайся.

С тётей Светой мы простились по-дружески. Я был чертовски доволен собой. Как здорово мне удалось провести разговор с тётей Светой. Я узнал все её планы, а своих намерений я ей не выдал. Мне было приятно, что закончили мы с ней разговор как единомышленники.

Я пошёл не в квартиру, а спустился в котельную. Во время

поминок все двери были настежь; надо было восстановить температурный режим. И конечно, надо было обдумать тёткины предложения. В искренности тёти Светы я не сомневался. Она действительно любила свою племянницу и хотела ей помочь. Если бы я почувствовал подвох, наш разговор не состоялся бы. У тёти Светы был один железобетонный довод: в Москве жизнь у Веры сложится благополучнее, чем здесь. Я был бы эгоистом, если бы стал этому препятствовать. Эта мысль была мне особенно приятна. Оказывается, я могу думать об интересах другого человека, а не только о своих. Конечно, я себе так врал.

Почему я не мог просто оставить Веру, как спокойно оставлял многих до неё? Может показаться, что я сам выдумал эту проблему, но это не так. Была какая-то сила, которая всякий раз уводила меня от разрыва с ней. И почему, интересно, мне было так важно, чтобы наше расставание выглядело максимально естественным? В то время я не мог себе это объяснить. Причём, я знал точно, что если бы я сообщил Вере о том, что прерываю с ней отношения, всё прошло бы тихо. Я бы не увидел истерик, не услышал бы в свой адрес проклятия с пожеланиями мучительной смерти. Она не удерживала бы меня слезами или угрозами что-нибудь с собой сделать. Не стала бы воздействовать на меня через моих друзей. Мне можно было бы просто не приходить. Но с Верой я этого не мог.

Я поднялся в квартиру. Вера в кресле читала книгу. Она

взглянула на меня:

– Что с тобой?

Вполне возможно, что мои думы о предстоящем расставании отразились на моём лице. У меня, в самом деле, было муторно на душе. От недавнего самодовольства и след простыл. Ещё несколько минут назад договор с тёткой казался мне пактом о гуманизме, а сейчас я уже так не думал. Но не мог же я ей всё рассказать.

– Обкурился чуток с твоей тётей. Соревновались с ней на скорость. Кстати, она выиграла.

– О чем вы с ней так долго говорили?

– Ну как о чём? О чём мне могла сказать твоя родная тётя. Стандартный набор предупреждений: обидишь Веру – голову оторву. Но мне такие угрозы не в новинку. Сегодня слышал много раз от твоих соседей. В общем, теперь, сама понимаешь, по лезвию хожу.

– Врушка ты!

– Как скажешь. Мне теперь с тобой спорить опасно. Голова у меня всего одна, а желающих её оторвать много.

– Ты просто мастер уходить от ответа. Но я и так знаю, что тебе говорила тётя Света.

– Подслушивала? Как некрасиво.

– Она тебе рассказывала про родителей, про нашу никудышную жизнь и про то, что меня надо переселить в Москву.

– Ты что, правда подслушивала? – я постарался задать этот вопрос как можно комичнее, чтобы не дать ей понять

насколько она попала в цель.

– Нет, я выучила. Просто тётя Света всегда говорит одно и то же, когда к нам приезжает.

– Она на твоего отца, кажется, очень сердита.

– Да, не может понять, что он оставил карьеру и Москву.

– А ради чего он оставил карьеру и Москву, что даже такая неглупая женщина как тётя Света не может этого понять. Она же вашу семью чуть не в сектанты записала.

Вера улыбнулась; для неё запись тёткой её семьи в сектанты была не в новинку. Она посмотрела на меня, как бы решая, готов ли я сам понять то, что не смогла понять тётка.

– Это нужно было отцу для работы, – сказала Вера. – Мама сама из Владимира. Вот они сюда и приехали, чтобы им никто не мешал работать.

– А чем он таким занимался?

Вера задумалась, что ответить. Она вышла из комнаты и вернулась с папками бумаг. Она положила их на столик возле кресла.

– Если будет желание, можешь посмотреть, – улыбнулась Вера. – А я спать. Я сегодня буду спать в комнате родителей.

Вот это совпадение, подумал я. Только я начал обдумывать, как мне осторожнее подобраться к отцовским бумагам, а они сами в руки пришли. Посмотрим, что из этого может заинтересовать тётю Свету. Вспомнив тётку, я сразу вспомнил и о бутылке итальянского вина. Я спросил Веру:

– А ты, случайно, не допила тёти Светино вино? Его же

нельзя оставлять. Боюсь прокиснет, начнёт выделять яд. Мы же не знаем всех его свойств. Не будем рисковать, давай я допью.

– Какое примитивное вымогательство, – непонятно улыбнулась Вера.

– погоди, уж не думаешь ли ты, что я заурядный алкоголик?

– Нет, – ответила она, – очень незаурядный.

Вера принесла бутылку. Вина в ней оставалось меньше трети. Я настроился смаковать каждый глоток. Когда Вера ушла, я первым делом открыл бутылку. Я очень хотел угадать, что за травы использовал чёртов итальянский аристократ в приготовлении этого чудесного вина. Мне казалось, что некоторые оттенки мне знакомы и что-то я всё-таки сумею отгадать. Про отцовские бумаги, которые принесла Вера, я вспомнил только тогда, когда в бутылке не осталось ни капли. Вот, что значит они легко мне достались. Я слишком расслабился.

Первым я достал из папки двадцатистраничный документ напечатанный на машинке и прошитый белой ниткой. Я быстро пробежал его и наткнулся на несколько научных терминов. Этот документ я решил отложить сразу. Не хватало мне ещё, на ночь глядя, забивать себе голову разными учёными словами. Затем я просмотрел листы, которые лежали вразнобой. Некоторые уже пожелтели от времени, и написанное на них было еле различимо. Я больше потратил сил,

чтобы разобрать текст, чем вникнуть в содержание. К почерку вроде претензий не было. Он точно не был таким причудливым, как, скажем, записи терапевта в моей медицинской карте. Тут я и пробовать бы не стал. Но к любому почерку я должен сначала привыкнуть, а я уже не хотел тратить на это время. Я уже начал зевать.

Я разделся, сходил под душ и собирался лечь спать. Перед сном я решил заглянуть в папку, которую я отложил на потом. Там были фотографии. После разговоров с тётёй Светой, я готовился к тому, что увижу унылые и скучные лица затворников. Здесь я ошибся. Надо добавить, я приятно ошибся. Я увидел счастливых и жизнерадостных людей. Их жизнелюбие было настоящим, а не фальшивым. Даже на редких снимках для официальных документов, Константин и Надежда выглядели, как подростки, которых чудом удалось отвлечь от игры и уговорить принять серьёзный вид. На большинстве кадров были Верины родители: на природе, на улицах города, в компании друзей и бытовых ситуациях. Отец Веры более походил на весёлого и благородного предводителя пиратов, чем на учёного. Представить его идущим на abordаж вице-губернаторского фрегата, с целью поживиться казённым золотом, мне было легче, чем представить его в тиши кабинета или в лаборатории. После слов тёти Светы, что Надежду ждали на телевидении, я ожидал увидеть на фотографиях ослепительную красавицу. На деле же, у неё оказалось самое обыкновенное лицо, без намёка на

избранность. Но, может я и ошибался. Ведь судя по кадрам, многие смотрели на неё с восхищением. Я нашёл несколько снимков с тётей Светой. Она, кажется, единственная, кто заботилась о том, как она будет выглядеть на фото. Ещё были снимки с соседями на общих праздниках. Почти всех я видел на сегодняшних поминках.

Я закончил возиться с фотографиями далеко за полночь. Я невольно проникся симпатией к семье Веры. Людей, которые наполнены настоящим, а не мещанским счастьем, я не могу не уважать. Я увидел людей с по-настоящему интересной судьбой. Какой же я был дурак, что упорно избегал разговоров с Верой о её семье. Я сочинял небылицы из жизни незнакомых людей, забираясь в их пустые квартиры, а рядом всегда была настоящая история жизни. Я даже собирался разбудить Веру, чтобы поговорить с ней, но удержался. Я думаю, что это сработала защита. Я должен был сохранить незримую дистанцию с Верой, чтобы не стать до конца «её». Особенно теперь, когда я уже знал примерную дату нашего с ней расставания. Учиться ей оставалось чуть больше года. А это немало.

На следующий день, напомню тебе, что это было Восьмое марта, рано утром, я тихо выскользнул из дома. Я постарался не разбудить Веру. Я просто не знал, что я мог бы ей сказать. С одной стороны, – ну, да – это был женский праздник, а с другой стороны – день траура, для неё. Дурацкая ситуация. Я не хотел её обманывать и притворяться, стараясь показать-

ся лучше, чем я есть, или невольно обидеть её чем-нибудь. Только не в этот день. В любой другой день, – пожалуйста, – я и обижал её, и обманывал без малейших угрызений совести.

Первым делом, я отправился купить букет цветов для мамы на Центральный рынок. Я уже присмотрел гвоздики у колоритного южанина в меховой кепке с выдающимся козырьком, как вдруг услышал за спиной:

– Не торопись, Дедушка.

Я оглянулся. Рядом стояли Штольц и Егор. Они подхватили меня под руки с двух сторон и потянули мимо цветочного ряда до поворота, где начинались мясные прилавки. На одном из прилавков, рядом с кусками рубленой говядины стояли два оцинкованных ведра с тюльпанами. А над тюльпанами выглядывала голова продавца.

– Вот он, дорогой, – обрадовался Штольц.

– А, приятель! Проклятый жид, любезный Соломон! – продекламировал Егор цитату из «Скупого рыцаря».

Продавец цветов и мяса был нашим однокурсником. Звали его Иларион Соломин. Соломоном его «окрестил», если так можно выразиться, Егор на третьем курсе техникума. Это случилось после просмотра фильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии». По нашему общему мнению, этот фильм был образцом экранизации классического произведения, и сам признавался нами за классику. В нашем общении мы использовали многие цитаты из фильма. На свой ма-

нер, разумеется. Например: когда Штольц, терзаемый бездельем, начинал канючить: «Мне скучно, бес!», Егор отвечал ему почти по-мефистофелевски: «Что делать, Штольц, таков вам положен предел. Его ж никто не преступает, вся тварь разумная скучает – скучай и ты, тварь!»

Иларион заслужил свою кличку за сходство с персонажем из «Скупого рыцаря». У него была душа ростовщика. Он из всего старался получить денежную выгоду. Целью его жизни был – «навар». Он спекулировал и в техникуме, и за его пределами. Такая напряжённая деятельность отразилась на его натуре. С теми, кто нуждался в его коммерческих услугах, Соломон иногда забывался и вел себя чересчур надменно. Многим это не нравилось, и Соломон получал лёгкие физические увечья и, частенько, потерю прибыли. Перед человеком, который в сообществе спекулянтов, стоял в иерархии выше, Соломон всегда лебезил и регулярно получал моральные унижения. Один раз Штольц стал свидетелем таких унижений Соломона перед сигаретным барыгой. Поскольку Штольц не знал, что на все унижения Соломон идёт добровольно, он собирался вступить за Соломона и навалить барыге. Но Соломон отвёл Штольца в сторону и умолял его не вмешиваться и не рассказывать в техникуме о его пресмыкательстве. После этой просьбы Соломон с самым жалким видом сунул, в качестве взятки за молчание, блок «Мальборо». Штольц пообещал. Кроме нас с Егором, об этой унижительной странице жизни Соломона никто не знал.

Соломон приветствовал нас довольно бодро и, кажется, был действительно рад нас видеть. До того момента, когда догадался, что Штольц привёл нас к нему неспроста.

– Отличные тюльпанчики, Иларион, – начал Штольц, – как бизнес?

– Только выставил, – ответил Соломон настороженно.

– Я к тебе по делу, – продолжил Штольц. – Я на мели, не очень глубокой, а у этих голозадых, – он показал в нашу сторону, – хер, душа и ни шиша. Поэтому у меня к тебе меркантильный вопрос. Позарез нужны цветочки. Сколько ты возьмёшь за букетик из трёх тюльпанчиков? Мне бесплатно не надо, я не нищий.

Соломон задумался, напряжённо, при этом, улыбаясь. Я думаю, он размышлял в тот момент, имеет ли Штольц то же влияние на него, что имел в техникуме.

– Ну, Илариончик, говори цену, чтобы эти мерзавцы ушли отсюда посрамлённые.

– Рубль найдёшь?

– Рубль за букет из трёх цветов? – изумился Штольц. – Идёт, по рукам. Слышали, бродяги?

Штольц с Соломоном пожали руки. Соломон немного недовольно начал собирать букет. Он замотал три тюльпана в слюду и перевязал их красной капроновой ниткой. Ему не терпелось отвязаться от нас. Мы мешали протиснуться к его прилавку потенциальным покупателям.

– А вы говорили: Соломон – жлоб, – стыдил нас Штольц. –

Теперь сами видите – золотая душа.

Соломон протянул Штольцу букет и протянул руку, чтобы забрать оговоренный рубль.

– По-моему неплохо, – сказал Штольц, любуясь на букет. Он полез в карман, достал оттуда червонец и со шлепком впечатал его в раскрытую ладонь Соломона: – Мне девять штук, пожалуйста.

Для нас с Егором, это стало сюрпризом, как и для Соломона. Хотя, что тут сравнивать. Соломон перестал дышать и покрылся бледными пятнами. Когда он снова мог говорить, он начал недовольно бурчать, объясняя Штольцу, что не может позволить себе такой благотворительности, что на рынке есть свои законы, что он не это имел ввиду, когда назвал цену.

Штольц спокойно выслушал все стенания мясо-цветочного продавца и спокойно напомнил Соломону: что он оговаривал только цену букета из трёх цветов, что никогда не говорил, что букет будет один, что деньги Соломону уже вручены.

Соломон сделал ещё несколько попыток расторгнуть договор. Говорил он при этом тихо, стараясь не привлекать внимания людей вокруг и продавцов за соседними прилавками. Наконец, Штольцу это надоело.

– Та-а-а-к! – громко протянул Штольц. – Могу повторить ещё раз!

Вокруг воцарилась тишина. Все продавцы за соседними

прилавками и их покупатели с любопытством развернулись в сторону Штольца и Соломона, в надежде, что станут свидетелями дебоша. Соломон молниеносно просчитал все последствия возможного скандала и, кусая губы, приступил к сбору букетов.

– Нам девять штук, – напомнил Штолец, – кстати, сдачу можешь оставить себе.

– Мне нужен только один букет, – шепнул я Штольцу.

– Как один? – удивился Штолец. – А маме?

– Так это для неё.

– А Вере?

Я отмахнулся, что это не обязательно. Егор оттащил меня от Штольца и показал ему, чтоб он меня не слушал.

– Показать Вере, что ты гад бездушный, ты можешь в любой другой день, но пожалуйста, только не сегодня – очень серьёзно попросил Егор.

Пока Соломон составлял букеты, Штолец следил за ним, чтобы он не смухлевал. И в качестве культурного сопровождения подбадривал его фольклорными прибаутками.

– Уговор дороже денег, Соломон... Слово молодца не жиже холодца... Взялся за гуж, не говори, что не дюж... Эх, дружище, не жалеи тыщи... Деньги, как навоз, сегодня – нет, а завтра – воз.

Изречения народной мудрости из уст Штольца заметно стимулировали Соломона, он не затягивал процесс сбора букетов. Все девять букетов были готовы. Одно из вёдер Со-

ломона опустело наполовину. Штольц вручил нам с Егором по три букета и выложил перед Соломоном несколько дешёвых купюр в довесок к злополучному первому червонцу. Довесок заставил искусанные губы Соломона растянуться в улыбку.

– Видали, как легко доставить человеку радость, – пояснил нам на выходе с рынка Штольц, – надо просто забрать что-нибудь у него, а потом вернуть, хотя бы часть.

На троллейбусной остановке мы разошлись. Я решил забежать на Нариманова и как-нибудь всучить Вере букет. Дома её не было. Я, не разуваясь и не раздеваясь, воткнул букет в вазу и поставил в комнате на стол. Мне даже не пришлось сочинять поздравление. Надо было бежать дальше. С двумя букетами. Кому я вручу лишний букет, я не придумал. Я сделал шаг за дверь и сразу вернулся. У меня нашлось применение второму букету. Я нашёл ещё одну вазу для цветов. Я поставил этот букет в комнате родителей под портретом Надежды Николаевны. Я сделал это из не какого-то душевного порыва. Все свои романтические и благородные побуждения я всегда гасил порцией крутого цинизма. Я, хорошо запомнил, что смотрел на портрет Надежды Николаевны и мысленно благодарил её. Благодарил её за то, что уйдя в мир иной, она избавила меня от обязанности называть её когда-нибудь тёщей. Этого мне показалось мало, и я прибавил, что даже если бы она была жива, это было бы исключено. Я же не собирался связывать свою судьбу с её дочерью.

Как видишь, это совсем не благородные и не романтические мысли. И я не привираю – я был таким.

На этом неприятном воспоминании я закончу второе письмо.

Третье письмо

Это письмо, которое я задумал как последнее, получится очень длинным. В первых двух я даже не приблизился к тому, для чего я начал писать в будущее. Вероятно, тремя письмами я не ограничусь.

Вера стала для меня человеком, с которым я больше всех проводил своё время. И всё же, я знал, что расстаться нам придётся обязательно. Я знал это с первого дня нашего знакомства, вернее чувствовал. Это предчувствие имело на меня большее влияние, чем все мои умственные рассуждения на эту тему. Это было неизбежно, и тут не было моей воли.

Я всегда считал, что чувства между мужчиной и женщиной, со временем неизбежно теряют свою искренность. Я знал это по себе, и всюду видел подтверждения этому. Многим приходится сохранять видимость чувств до конца своих дней, а многие не скрывая живут врагами. В вечную любовь я верил всегда, но те редкие примеры, что мне посчастливилось встречать в жизни, убедили меня, что это точно мне не дано.

Сначала я старался не замечать, как постепенно Вера становилась, для меня, важнее моих друзей. А я становился, для неё, тем, кто может помочь. Вернее, это я хотел стать для неё

тем, кто может помочь. Для мужчины, я думаю, это значительнее, чем настоящая любовь женщины к нему. Это нектар для мужского самолюбия. Но в то же время, я был готов прекратить всё в один момент. Не потому, что я был таким, а потому, что, как мне казалось, так было установлено самой судьбой. Как бы громко или глупо это не звучало.

Восьмого марта случилось то, что должно было случиться. Мои друзья, идя на поводу своих брачных вымогательниц, просили их руки у их родителей. Не для перепродажи этих рук чёрным трансплантологам, как бы мне хотелось, а образно. В связи с этим, для меня день Восьмого марта тоже становился трагическим. Я даже не нашёл в себе сил поздравить друзей, как положено. Я только умолял их играть свои свадьбы в один день, чтобы я не пришёл ни к тому, ни к другому.

После того, как мои друзья совершили этот позорный обряд, именуемый «помолвка», встречаться мы стали ещё реже. Теперь я мог общаться с ними только в присутствии их избранниц. С Егором я виделся хотя бы на работе и мог узнавать от него интересную информацию из жизни обручённых пар. Так, например, он рассказал мне об одном пари, на которое их вынудили Катя и Лена. Условие довольно унижительное, на мой взгляд. Мои друзья неосторожно дали своё согласие девчонкам, что до свадеб они не прикаснутся к спиртному. Ну, не дураки ли? Сами свадьбы планировались на лето. При нарушении данного соглашения, Штольц и Егор

должны были выполнить по три желания своих подруг. Причём, девчонки предупредили заранее, что их желания будут самыми жестокими и безжалостными. Смешно было бы ждать чего-нибудь гуманного от этих аферисток. Меня возмутил сам договор. Получалось, что мои друзья были безоговорочно записаны их подругами в алкоголики, раз потребовалось такое пари. Я взял этот факт на заметку.

В один замечательный день нам с Егором удалось смотаться с работы пораньше. Вера не ждала меня так рано. Она открыла дверь радостно возбуждённая, сразу обняла меня и чмокнула в щёку. После нашего тайного сговора с тётёй Светой, я чувствовал себя виноватым перед Верой и стал позволять ей все эти глупости: поцелуйчики, обнимайчики, романтические знаки внимания. Вере это, кажется, нравилось, а я терпел.

– Что за игривое настроение? – спросил я.

– Хорошо, что ты пришёл. Меня сейчас пытали.

– Кто эти изверги рода человеческого? – я заглянул в комнату и понял, что с «извергами» я несколько не преувеличил. За столом пили чай Катя и Лена. Я кивнул в их сторону: – Они?

– Они, – засмеялась Вера и спряталась за мою спину.

– В чём дело, гражданочки? Вы что, ещё не в курсе, что пытки запрещены Женевской конвенцией? – как можно строже спросил я и повернулся к Вере: – Я бы тоже от чаю не отказался. Если, конечно ничего покрепче нет.

Вера упорхнула на кухню. Я сел напротив девчонок. Я склонился над столом и спросил вполголоса:

– Что здесь произошло? Вы чего с ней сделали?

– Мы сами не поймём, чего она вся сияет. Спрашивали, – не говорит, – тихо ответила Катя. – Думали, ты чего-нибудь объяснишь.

– Может, ты знаешь? – прошептала Лена.

Вера зашла в комнату с подносом, на котором была бутылка, стопки и вазочка с консервированными персиками. По лицам Кати и Лены, я понял, что для них это было неожиданно. А для меня это стало ещё и неприятным сюрпризом: это было вино, которое привезла тётя Света. Во-первых, я не знал, что тётка привезла не одну бутылку. Я бы давно нашёл способ выцыганить её у Веры и опустошить. Во-вторых, меня возмутило то, что это чудесное вино я буду вынужден пить с Катей и Леной. С теми, кто запретил прикасаться моим друзьям к спиртному, мне придётся разделить этот нектар. Проклятые лицемерки. В-третьих, они же точно не оценят превосходные качества этого напитка. Это же всё равно, что ходить с блюдом жемчуга по свинарнику и добавлять его в комбикорм. Я посмотрел на Веру с укоризной, а подруги с недоумением.

– А что вы так все на меня смотрите? – засмушалась Вера.

– Так ты объясни нам, дорогая, что за день сегодня такой, – выразила общее любопытство Катя.

– Может праздник какой? – спросила Лена.

– Да, сегодня самый настоящий праздник, улыбнулась Вера, – день весеннего равноденствия. Когда-то это был Новый год. Да вы что, люди, посмотрите день какой – настоящая весна пришла.

– Тьфу ты, Господи, напугала, – пришла в себя Катя.

– Ну это конечно как-то да, – выразила свою мысль Ленка. Доисторический Новый год и начало весны – это было не самое страшное, что я боялся услышать. Я взял бутылку и разлил по стопкам. Вина я налил всем по минимуму. Настолько по минимуму, что Катя и Лена посмотрели на меня с подозрением.

– С Новым годом, с новым счастьем! – я быстро чокнулся со всеми. Вино показалось мне ещё вкусней и благородней. Я с неприязнью следил за подругами.

– М-м, нормальное такое винишко, – Катя выпила и потянулась за персиками. Я хотел кинуть в неё тапкой за это её снисходительное «винишко».

– Самодельное, между прочим, – поспешил сообщить я Катерине, но на самом деле, эта информация предназначалась Лене. Мы все знали, что она предпочитает всё только фирменное и ко всему самодельному относится с пренебрежением.

Лена сделала символический глоток, замерла и с фальшивой улыбкой поставила недопитую стопку. Причём, я уверен, что стоило бы мне только сказать, что это вино итальянской аристократической фамилии, и реакция Лены была бы

совершенно другой. Фонтан её восхищений бил бы струёй кипятка весь вечер. Вера старалась не улыбнуться. Я понял, что она раскусила мой хитрый ход.

Мне пришла в голову идея, как избавиться от непрошенных собутыльниц. Я решил использовать сведения, полученные от Егорки. Об их уговоре с подругами о досвадебном сухом законе. То, что мне известно об этом позорном пари, ни Катя, ни Лена не знали.

– Вер, а у меня совершенно из головы выскочило, что сегодня такой праздник. Молодец, что не забыла. Мне, правда, Евгений о чём-то таком намекал, а я его не понял. Теперь понятно для чего они с Юриком у Комсомольского (винный магазин) встретились. Уж, наверное, не просто так.

Я ни слова не сказал, что мои друзья собирались выпить. Это было бы неправдой. Но мои слова, девчонки восприняли так, как я хотел. Первой напряглась Катя. Лена сидела спокойно. Она не всегда понимала не только намёки, но и сказанное открытым текстом. Она обычно ориентировалась на реакцию Кати. Посмотрев на подругу, Лена тоже напряглась. Очевидно, желание Кати и Лены уличить моих друзей в нарушении договора, было столь велико, что они даже не задали мне никаких уточняющих вопросов. Кроме одного.

– Где они? – в один голос вскрикнули Катя и Лена.

– Да откуда же я могу знать. Они какие-то странные сегодня: как будто за ними кто-то следит. Чего-то они мне не договаривают. Не нравится мне эта их конспирация. Вы не

знаете, что с ними происходит?

Подруги не ответили. Они выскочили из-за стола и кинулись одеваться, приговаривая сквозь зубы: «Ну, сейчас они огребут!», «Попалась Золотая Рыбка!», «Вот и дождались!». Они наскоро попрощались и вылетели вон. Я спустился с девчонками на первый этаж и с удовольствием закрыл за ними дверь на крючок.

Я вернулся в комнату. Вера была очень удивлена поведением подруг, но догадалась, что я в этом как-то замешан. Мне пришлось рассказать ей про их антиалкогольный запрет, нарушение которого подруги торопились зафиксировать, про три желания. То, что я пустил их по ложному следу, я объяснил Вере, как наказание для Кати и Лены. Я сказал, что это моя маленькая месть за друзей. Не мог же я признаться, что придумал всё это только потому, что мне жалко хорошего вина.

Я налил нам вина. На этот раз по полной. Я сел рядом с Верой на диван. Она всё так же странно улыбалась. То ли ласково, то ли виновато. Я подумал, что, скорее всего, она ждёт приезда отца. И теперь мнётся, не зная, как мне деликатней сообщить об этом. А я бы спокойно отнёсся к тому, что мне придётся вернуться жить к родителям.

– Ну, давай, Вера, выкладывай, что там у тебя. Что за таинственные улыбки. Написала весеннему Деду Морозу, и он ответил? Поделишься радостью?

– Хорошо, – Вера набрала воздуха в грудь, замерла и, по-

сле паузы, выдохнула: – Сначала выпьем за весну.

Мы чокнулись и выпили.

– Не тяни, рассказывай.

Я начинал подозревать нехорошее. Посерьёзнее, чем приезд отца. Да и чего можно было ожидать от её игривого настроения. Конечно, решила отречься от родной тётки, от её предложения вернуться в Москву. Сейчас объявит о решении остаться во Владимире, чтобы осчастливить меня. Я боялся, что Катя и Лена уже науськали её и она ждёт от меня подобие «помолвки».

– Хорошо, – Вера продолжала странно улыбаться. – Я сегодня весь день думала, как тебе это сказать... подбирала слова, но всё равно не получается. Это, кажется, просто, а с другой стороны непросто. Можно было и не говорить тебе, но я считаю, что ты должен знать... Дай мне руку...

Она взяла мою руку и притянула к себе. Получилось так, что моя ладонь оказалась прижатой к её животу. Я похолодел и перестал дышать: «Всё, приехали. Она беременна. Сейчас объявит, что у неё будет ребёнок». Да, именно так я подумал. Что ребёнок будет «у неё», а не «у нас».

– Я тебя, кажется, люблю, – тихо сказала она.

Я подождал, не будет ли чего про беременность. Дыхание не сразу вернулось ко мне. Я начал жадно глотать воздух, закашлялся и не мог произнести ни слова. Особенно из тех, что крутились, на тот момент, в голове.

– Это всё? – сумел прошептать я.

– Да-а, – Вера весело взглянула на меня.

– Вера! – крикнул я, схватил со стола бутылку и сделал за-тяжной глоток. – Я тебя сейчас убивать буду за такие шутки.

– А я не шутила.

– Тем более. Знаешь, что сейчас со мной было? Обшир-ный микроинфаркт, как минимум. Хорошо ещё в аптеку не пришлось бежать, – итальянец вырчил.

Я поставил бутылку вина на стол, схватил Веру за плечи и повалил на диван. Она смеялась. Я прорычал ей на ухо:

– Пощады не будет.

– А ты что подумал?

– Самое страшное, Вер, – на ходу сочинял я. – Вдруг, ка-кой-нибудь заезжий восточный принц, проезжая по Нарима-нова на белом слоне увидел тебя и сошёл с ума. А по-друго-му и быть не может. И ты теперь собираешься покинуть нас. Станешь принцессой, и в роскоши и славе забудешь своих бедных друзей.

– И ты испугался? – хитро прищурилась Вера.

– Конечно, испугался, – ответил я, – ещё бы мне не испу-гаться. Я что, по-твоему, неуязвимый Зигфрид, чтобы мне ничего не бояться? Мне же руки по самую голову отрубят. – Я поцеловал Веру и пояснил: – За то, что целовал тебя, за то, что прикасался к тебе. У них там с этим строго.

В это время, внизу, кто-то настойчиво начал колотить в дверь. Мы с Верой удивлённо переглянулись. Она начала прибираться в комнате, а я пошёл вниз. Из-за двери слышались

недовольные голоса Штольца, Егора и Кати с Леной: «Ну, где этот провокатор?», «А мы, как дурочки, купились». Я с наслаждением прослушал все их возмущённые реплики в мой адрес, принял самый добродушный вид и, наконец, открыл дверь.

– О! Ребята! Девчонки! Какие вы милые, что заглянули к нам. Проходите, хорошие мои. Здравствуйте!

– Виделись, – отпихнул меня плечом Штолец.

Все молча поднимались по лестнице. Только Лена, через каждые две ступеньки, поворачивалась в мою сторону, показывая мне лицом, до какой степени она возмущена моей выходкой.

Мы всё рассказали Вере: про безалкогольный договор, про три желания и мою провокацию. Каждый свою версию, разумеется. Позже, я с извинениями, шепнул подругам, что направил их по ложному следу только потому, что у нас с Верой был запланирован серьёзнейший разговор по поводу наших взаимоотношений, и нам нужно было остаться наедине. Девчонки меня сразу простили, и я даже вырос в их глазах. Они высоко оценили мой ответственный подход к взаимоотношениям с Верой.

Я заметил горлышки бутылок в карманах пальто Штольца и поинтересовался:

– А это знак примирения?

– Да, договор аннулирован по взаимному согласию сторон, – ответил Штолец и достал бутылки.

– В конце концов, они наши желания и так выполняют, – рассудила Катя, – и не три, а гораздо больше.

– Как миленькие, – самодовольно подтвердила Лена.

Мы продолжили Праздник весны. Пока шла подготовка стола, Вера рассказала нам много интересного про этот день. Каким он был раньше, и у каких народов и племён сохранился. О том, что наши предки были мудрее нас, потому, что понимали связь Человека и Космоса.

Егор снова взял на себя роли конферансье, приглашённых артистов и тамады. И мы опять засиделись до половины третьего, как и в день нашего знакомства. Друзьям и их подругам пришлось остаться на ночлег. Девчонки увидели в этом мистически-романтические знаки судьбы.

Через несколько дней, Лена пригласила нас с Верой в гости. Приглашение прозвучало небрежно, с нотками снисхождения. Может, так мне показалось из-за моего предвзятого отношения к девчонкам, а к Лене особенно. Когда рядом не было Кати, Лена выглядела недалёкой, но очень самолюбивой девицей. Папа Лены был какой-то второстепенной шишкой в Администрации города, и сама Лена считала этот факт своим несомненным человеческим достоинством. Мне она не нравилась. Приемлемо, для меня, она смотрелась только, когда шла вторым номером в дуэте с Катей.

Я спросил Штольца, что значит это странное приглашение. Оказывается, что мама Лены рассматривала нас с Верой в качестве свидетелей на предстоящей свадьбе дочери. Мы

были одной из трёх пар в её списке претендентов. Я посоветовал Штольцу, срочно отговорить будущую тещу от такого необдуманного шага, иначе они пожалеют оба.

Я рассказал Вере, с какой целью мы были приглашены. Она посмеялась и успокоила меня тем, что мама Лены никогда не утвердит нас в качестве свидетелей. Разве что в случае внезапной кончины всех других кандидатов из её списка. И рассказала, почему не любит ходить к ним в дом.

Мама Лены была серьёзно больна. Больна вещизмом и, кажется, уже неизлечимо. Всех гостей мама Лены встречала на пороге и пускала в квартиру по одному. Сначала гость должен был разуться, стоя в коридоре на прорезиненном коврике, и только после этого разрешалось зайти в квартиру и надеть тапочки. Всю прихожую покрывал светло-бежевый палас. Это был главный предмет заботы Ленкиной мамы. Этому напольному покрытию Ленкина мама уделяла больше внимания, чем собственной дочери и мужу.

– Один раз, она, не стесняясь нас с Катей, устроила Лене истерику. Из-за того, что Лена потянулась взять книгу с полки. Книги у неё стоят только в качестве интерьера, а взять книгу – это разрушить красоту и порядок. Она странно ходит по квартире. Она двигается не по прямой, а от предмета к предмету. Она обязательно должна прикоснуться, осторожно или, даже, нежно, ко всем вещам, к которым подходит. К дивану, к креслу, к вазе на столе, к самому столу, к светильнику или ковру на стене. То ли проверяет, всё ли на месте,

то ли показывает вещам свою преданность. А к своей дочери она подходит только, чтобы посмотреть, не посадила ли Лена пятен на одежду. Я ни разу не видела, чтобы она обнимала Лену. А с Ленкиным отцом у неё строго деловые отношения.

– Хорошо, что она не знает всего, что ты о ней думаешь.

– Знает. Вернее, чувствует. Но я, для неё, внучка академика – персонаж, который можно упомянуть в разговорах с гостями.

Для меня стало открытием то, что Вера умеет так оценивать людей. До этого разговора, она мне казалась излишне благодушной. А она оказалась и наблюдательной, и разборчивой в людях. Единственно, мне не понравилось, что Вера жалела эту больную женщину. Да если бы Ленкина мама узнала, что Вера её жалеет, она бы умерла от смеха. Она знала, что Вера живёт небогато, да к тому же, в аварийном доме.

– Будем вести себя на смотринах так, чтобы у неё отпала охота приглашать нас. Не только, как свидетелей, но и в качестве гостей, – предложил я.

– Это не понадобится, – обещала Вера.

На конкурс свидетелей, который устроила мама Ленки, мы не торопились. Мы вышли из дома, рассчитывая прийти, за пять минут до начала назначенного состязания. Как только мы вышли из арки, на дороге, перед нами остановилась машина. Уже начинало темнеть. Я не сразу узнал тёткину «Вольво». Из машины, раскинув руки, словно классическое огородное чучело – в одну прямую линию, параллельно зем-

ле, к нам приближалась тётя Света. Её необъятная улыбка выходила за границы лица.

– Ну, ёбти, – вырвалось у меня, и чтобы исправиться, я крикнул: – Здравствуйте, Светлана Алексеевна.

– Я тоже рада тебя видеть, Санечка, – тётю Свету не смутило моё грубоватое приветствие.

Тётка обняла и поцеловала Веру, повернулась ко мне и великодушно предложила:

– Ну, Санечка, давай и тебя поцелую.

Она обняла меня за шею, но не поцеловала, а только громко и звонко чмокнула. Ухо у меня сразу оглохло. Около минуты, этот коварный чмок носился по моей барабанной перепонке, в поисках выхода. Наверное, всё же обиделась за моё «ёбти», решил я.

– Стойте, подождите, – тётя Света взяла нас под руки. – Сейчас я вас познакомлю. Ну, где ты там?

Из машины, с пассажирской стороны, вылез и направился к нам мужчина. Высокий, лет тридцати, безупречно одетый. Под не застёгнутым серым пальто был тёмный костюм, а белая рубашка и белый шарфик светились в сумерках, как и его улыбка. Пока я гадал, что это за пижон, тётя Света нас представила:

– Это моя Верочка, это её Саша. А это Андрис.

– Чей? – спросил я.

– В каком смысле «чей»? – не поняла тётка.

– Ну, Вера – ваша, я – Верин, а он чей? – пояснил я свой

вопрос.

– А, – дошло до тётки, она призадумалась на мгновение и ответила: – «Чей, чей», – да ничей. Чего пристал? Он прибалт. А они пока ничьи, – независимые, пока.

– Я латыш, Светлана Алексеевна, – с подчёркнутым акцентом отозвался прибалт. Оставляя рот растянутым в идеальную улыбку, Андрис сглотнул слюну, вместе с обидой за великорусский шовинизм, проявленный тётей Светой.

Тётка даже бровью не повела в его сторону. Тётя Света отвела нас от прибалта в сторону и начала говорить вполголоса:

– Я его не просто так с собой взяла. Он меня домой повезёт. А я сегодня напиток хочу, до безобразия. Поможешь мне, Санечка?

– Пряма в дрыбадан? – уточнил я.

– Ну, да, – кивнула тётка.

– В зюю, что ли?

– Угу.

– В хлам, в сиськи, в лоскуты, до поросячего визгу?

– Угу, угу, – соглашалась тётка.

– Ладно, помогу. Почему не помочь хорошему человеку, – согласился я. Тётка расплылась.

Оказывается, тётя Света, через каких-то важных людей, уже заказала для нас банкетный зал в ресторане. У тёти Светы были хорошие связи. Ресторан, который она выбрала, никогда не был открыт для простых людей. Тёткино приглаше-

ние оказалось очень кстати. Оно освобождало нас от позорного разувания перед дверью Ленкиной квартиры. Оставалось предупредить Штольца о невозможности нашего участия в соревнованиях на звание лучшей свидетельской пары. Мы объяснили всё тётке, и она взялась это устроить. Она сказала, что Андрис прекрасно справится с этим, а нас уже ждёт накрытый стол в ресторане. Прибалт подвёз нас к ресторану и двинулся дальше по Ленкину адресу.

В ресторане тётку встречали, как любимую родственницу. Директор лично приветствовал нас на входе. Он представил нам администраторшу и проводил нас в банкетный зал к большому столу, человек на двенадцать, в центре зала. Других клиентов в зале не было, кроме нас. Тётке не понравился яркое освещение, и через минуту, на стол уже выставили светильники в виде канделябров. Обслуживать нас администратор поставила двух официантов. Одним из них оказался Соломон. Он делал вид, что мы незнакомы. Когда администратор представила его как Илариона, я крикнул:

– Привет, Соломон!

Лицо Соломона покрылось пятнами. Он покосился на администраторшу. Она мягко улыбнулась, и Соломон ответил мне механическим кивком головы. Пока тётка разбиралась с обстановкой и меню, приехал прибалт. Он доложил тётке, что её поручение выполнено, что мама Ленки просит нас не беспокоиться, и желает нам хорошо провести время. Хотел бы я видеть, с каким лицом Ленкина мама выдавливала из

себя эти пожелания.

Тётка посадила меня рядом с собой, а напротив посадила Веру и прибалта.

– Та сторона непьющая, а мы начнём. Наливай, Санечка, – тётя Света разложила по тарелкам закуску, мне и себе. – А ты, Андрис, поухаживай за Верочкой. Смотри, чтобы ей не было скучно.

Тётка распорядилась, чтобы включили музыку. Не очень громко, но я всё равно не мог слышать, о чём говорили прибалт и Вера. По отдельным фразам, можно было разобрать только то, что акцент у прибалта усилился.

Поначалу, между рюмками, тётка рассказывала мне о жизни в Москве, о подковёрных процессах во власти, о грядущих переменах, о новых возможностях в коммерции, о близкой кончине Советского Союза. Я, честно говоря, посчитал всю эту информацию пустыми московскими разговорами. За московской интеллигентской публикой всегда во-дился такой грешок, как словоблудие с фигой в кармане. Потом тётка завела разговор о Вере. Тётя Света интересовалась, известно ли мне что-нибудь о планах Веры на будущее, давно ли не появлялся её отец, не удалось ли мне что-нибудь узнать о его работе. Важнее всего, для тётки, было знать, как бы Вера отнеслась к переезду в Москву. Тётя Света заверила меня, что готова отдать квартиру деда-академика в распоряжение Веры по первому её слову, хоть сегодня. Она ещё, странным образом, намекала мне, что я тоже заинтересован

в этом. Якобы, в московской квартире нам с Верой будет лучше. Я не стал говорить тётке, что у меня свои планы, я только спросил:

– Так вы уже и нотариуса с собой привезли? – кивнул я в сторону Андриаса.

– Кого? Его? – тётка сделала пьяное загадочное лицо. – Он не нотариус. Он знаешь кто?

– Ну?

– Сначала выпьем, – тетя Света подвинула свою рюмку.

Я налил нам, а тётя Света очень неряшливо раскидала по нашим тарелкам салаты. Мы выпили.

– Он психолог, – прошептала мне на ухо тётя Света, – он должен составить её портрет... психологический. Чтобы помочь её в Москву перетащить.

– А я подумал сначала, что он ваш любовник. У него взгляд и повадки альфонса.

– Санечка, ну, ты уж прямо так откровенно не хами тётеньке. – Тётя Света поправила причёску и добавила: – Ведёшь себя со мной, прям, как с ровесницей.

У тётки пошли воспоминания о её бурной молодости, о не сложившейся личной жизни и её жизненной неустроенности, при её безграничных возможностях. В сторону прибалта и Веры, она уже не смотрела. Она была занята только мной. Как ответственная сестра-сиделка у постели безнадёжно больного, она внимательно следила за мной, чтобы угадать мои желания. Дошло до того, что тётка, в каком-то

затмении, начала кормить меня со своей вилки и вытирать мне рот салфеткой. Даже вино тётя Света стала наливать нам сама. При этом, она говорила, говорила, говорила. Наговорила много чего.

Когда тётя Света очередной раз пыталась запихнуть в меня салат, а я капризничал, мы услышали негромкий смех. Мы взглянули на противоположенный берег стола. Закрыв ладонями лицо, тихо смеялась Вера. А прибалт, до этого, полчаса боровшийся с зевотой, дремал, подперев голову рукой.

В приоткрытую дверь бочком протиснулся Соломон. Он подходил к нашему столу, словно двигался по неокрепшему осеннему льду реки: тихими, осторожными шажками. Тётя Света взяла в руки меню и стала водить по нему указательным пальцем. Соломон понял, что тётка намерена продолжить застолье. В отчаянии, он начал взывать к тёткиной жалости:

– Светлана Алексеевна, уже почти три часа ночи. Вы же до часу собирались посидеть.

Соломон врал – было только десять минут третьего. Тётя Света не слушала его. Не глядя на Соломона, она продолжала изучать меню.

– Я один остался, повара ушли. Мне ещё на сигнализацию сдавать. У нас завтра с утра американская делегация приезжает. Я не выплуюсь, – причитал Соломон.

– Ах ты, дрянь такая, – театрально возмутилась тётя Све-

та, – тебе, какие-то американцы дороже твоих соотечественников.

Слово «соотечественников» тётя Света произнесла как «стечсников», и, кажется, сама поняла, что надо бы закругляться. К ней подошла Вера, обняла, поцеловала и спросила.

– Тётя Свет, может, правда пора?

Тётка сразу успокоилась и потянулась к своей сумочке. Она достала пятьдесят долларов и поманила к себе Соломона:

– Ты завтра со всей своей сраной американской делегации столько не получишь. Помяни моё слово.

Мы поднялись из-за стола. Прибалт своими энергичными движениями старался показать, что он не спал за столом ещё минуту назад, что этого просто не могло быть.

– Санечка, – повернулась ко мне тётя Света, – помоги тётеньке одеться.

На выходе нас провожали администраторша и сияющий Соломон. Администраторша с пафосом, словно вручала олимпийский кубок, протянула тётке коробку с водкой «Золотое Кольцо».

Когда мы подъехали к Верину дому, вылезая из машины, тётя Света распорядилась, чтобы Андрис захватил коробку с водкой и пакеты с подарками для Веры. Тётка, кажется, собиралась продолжить пьянку. Мы прошли в арку. Тётя Света и Вера держались за меня, в арке было скользко. Талая вода в течение дня затекала с улицы во двор и,

после захода солнца, образовывала ледяную дорожку. Позади нас, скользя по дорожке, совершенно избавившись от акцента, тихо матерился прибалт. Мы подошли к входной двери. Сзади послышался глухой вскрик, и из арки на спине по льду выкатился Андрис. Боясь показаться смешным, он сразу вскочил и засеменял к нам.

– Разбил? – спросила тётка.

– Нет, но немного шишка может быть, – отозвался Андрис с восстановленным акцентом.

– Да я не про голову твою. Иди сюда.

Андрис подошёл, тётя Света взяла у него бутылку и пакеты и передала мне. При свете зажигалки, она осмотрела голову прибалта.

– Всё нормально, можешь идти в машину.

Андрис простился с нами, а тётя Света постучала пальцем по коробке с бутылкой в моих руках:

– Ну, что, Санечка, на посошок?

Тётя Света, из карманов своего модного пальто, извлекла две стопки, завёрнутые в салфетки бутерброды, яблоко и апельсин. Это всё она прихватила в ресторане. Когда успела? Я восхитился такой предусмотрительностью:

– Ну, Светлана Алексеевна! Что за женщина, слов нет.

Пока я сосредоточенно разливал водку по стопкам, которые держала тётя Света, она начала жеманно допытываться у меня:

– Что значит: нет слов? Ты уж скажи чего-нибудь, Санеч-

ка. Ну, похвали меня. Скажи, какая я. Ну, какая?

Она закружилась в подобии танца, раскинув руки, и стопки с водкой из её рук разлетелись в разные стороны. Тётя Света испуганно ахнула и виновато посмотрела на меня.

– Да уже никакая, – ответил я.

Мы с Верой отыскиали стопки, и я наполнил их заново. Мы выпили. Тётя Света вздохнула и удивлённо заметила:

– Что-то расслабилась я с вами. Взрослая тётенька, а веду себя...

– Как маленький мальчик? – подсказал я.

– Вот-вот, – согласилась тётя Света и, то ли с мольбой, то ли с обидой, спросила: – Приедете в гости?

Она выглядела усталой и нерешительной, от столичного лоска ничего не осталось. Она вглядывалась в наши лица и ждала ответа. Мне стало жалко её. Неловко её обнял и неуклюже поцеловал её куда-то в пространство между ухом, шей и воротником, и пообещал:

– Обязательно приедем!

С другой стороны тётку обняла и поцеловала Вера. В глазах тёти Светы стояли слёзы. Она поцеловала нас в ответ, достала платок и, вытирая слёзы, произнесла:

– Какой сегодня день интересный: и посмеялась, и поплакала. Ну, всё, я вас жду. Пока!

Она развернулась и побежала в машину.

На следующий день, на выходе с работы, мы с Егором наткнулись на Штольца. Я подумал, что сейчас меня ждёт

неприятный разговор, насчёт несостоявшихся накануне свидетельских смотрин. Штольц поздоровался и взял меня под локоток. Он начал говорить, странно растягивая слова:

– Саня, у меня есть к тебе вопрос.

– Извини, Штольц. Просто вчера тётка из Москвы, как снег на голову. Не с собой же её было к вам на конкурс тащить. А что, прибалт вас не предупредил?

– Так он ещё и прибалт? – удивился Штольц.

– Он что-то натворил? Нагрубил? Устроил скандал? – удивился я в свою очередь.

– Нет-нет, что ты.

– Тогда: что случилось?

Штольц рассказал нам о вчерашнем вечере в доме своей будущей тётки. Штольц с извинениями признался, что Ленкина мама готовилась к нашему визиту на самом невысоком уровне. Это он понял по продуктам и по посуде, которые выставлялись на стол. Рассматривать наши кандидатуры, она всерьёз не собиралась. У неё уже были фавориты. Скорее всего, она просто решила изобразить такую возможность перед дочерью и мужем. Ленка хотела видеть в свидетелях на своей свадьбе нас с Верой. Такое желание появилось у Ленки после того, как она узнала от Кати, что та в свидетели будет звать нас. Отцу Ленки было всё равно. Он собирался только обеспечить финансовую основу для свадьбы. А Ленкина мама намеревалась устроить соревнование на лучшую пару свидетелей. Она нигде не работала, и времени заняться

ерундой, у неё было в избытке.

Когда в дверь позвонил Андрис, Ленкина мама нарезала колбасу на толщину газетного листа. Входную дверь в их доме открывала только мама. Это было железное правило. Она опасалась, что дочь или муж дадут слабинку и могут пропустить какое-нибудь обутое животное на её бежевый фетиш. Прибалт с порога произнёс пару фраз, и Ленкина мама в нелепом поклоне сделала три шага назад от открытой двери, приглашая обутого незнакомца ступить на своего бежевого кумира. Такое не позволялось никому. Даже начальника своего мужа, руководителя области, Ленкина мама встречала, предварительно завернув угол ковра. Штольц стал очевидцем чудесного явления необъяснимой природы. Прибалт негромким ровным голосом принёс извинения от нашего с Верой имени. Ленкина мама, не сводя с Андри-са взгляд, согласно кивала головой. Андрис очень галантно произнёс слова прощания и развернулся на выход. Ленкина мама услужливо рванулась открыть ему дверь. После этого, мама прошла в зал и села в кресло. Она просидела с отсутствующим видом до прихода гостей. На вопросы дочери отвечала неохотно и невпопад. Штольц, конечно, обалдел от внезапного маминого пофигизма к ритуалу разувания гостей. Ленка объяснила это тем, что мама просто не устояла перед изысканными манерами незнакомца. Штольц не стал её разубеждать. Когда пришли две пары кандидатов на звание свидетелей на свадьбе, обряд разувания в коридоре был

восстановлен.

– Что ты мне скажешь об этом человеке? – Штольц острожно улыбнулся.

– А я с ним не общался. За весь вечер даже парой слов не перекинулись. Знаю только, что зовут Андрюха, что он прибалт, что он психолог...

– Психолог! – вскрикнул Штольц так, что мы с Егором вздрогнули. – Я так и знал. Я вчера ещё догадался. Работает он, конечно, виртуозно. Высший класс.

Штольц сказал нам, что вчера он воочию узрел восхитительную работу гипнотизёра нового направления.

– Представляете? Это совершенно не классический гипноз. Всё построено только на точности слов. Никаких маятников перед носом пациента, никаких команд загробным голосом, никаких пассов руками. Как же грамотно он её вчера вырубил. Просто фантастика.

При этом, Штольц выпучил глаза, говорил громче обычного, резко жестикулировал. Он обезумел. Мне пришлось немного остудить его бурлящую фантазию:

– Штольц, он вчера был нанят тётёй Светой только в качестве водителя. Никаких планов усыплять твою тёщу, у него, к сожалению, не было. Большую часть времени, он сам вчера проспал, сидя за столом. Версия Ленки выглядит убедительней.

– Да нет, я вам точно говорю, что он спец, – настаивал Штольц, не желая разочаровываться в своей догадке, но уже

без прежнего напора.

– Штольц, а как сама мамаша себя чувствует? – поинтересовался Егор.

– Нормально, вроде.

– «Вроде»? – Егор сделал удивлённое лицо. – Штольц, речь идёт о здоровье близкого тебе человека.

– Егор, ну, ты опять начинаешь? Ну, хватит, – простонал Штольц.

Егор не упускал возможности поглумиться над Ленкиной мамой. И, я считаю, имел на это полное право. Он два раза был в гостях у Ленки, и сам прошёл этот унижительный ритуал разувания на лестничной клетке. Егор, в своих упоминаниях о Ленкиной маме, любил поизмываться над её чудакостью. Штольц уже сто раз просил Егора не касаться этой темы. Но Егор не мог удержаться.

– Просто она аккуратный человек, следит за чистотой, – объяснял Штольц. – Что здесь ненормального?

– Тогда приготовься к тому, что она и тебя простерилизует, – предупредил Егор.

Вечером я рассказал Вере о замешательстве, которое случилось у Ленкиной мамы перед прибалтом. Я хотел узнать, что она об этом думает. Надо же! Я стал интересоваться её мнением. Вера посмеялась над маминым конфузом, но жалеть начала, при этом, Ленку. Она постоянно жалела эту недалёкую Ленку; меня это бесило.

Лена мне казалась примитивной и самолюбивой девицей.

Иногда, просто тупой. Её, в моих глазах, спасало то, что она не озвучивала вслух свои мысли. Она никогда не торопилась высказывать своё мнение. Она сначала смотрела на реакцию окружающих. Первой, в списке её авторитетов, стояла Катя. Лена всегда принимала решения, основываясь на оценках подруги. Юмор, самостоятельно, она не воспринимала. Когда она не успевала сориентироваться на реакцию присутствующих, ей надо было объяснять, что прозвучала шутка. Только тогда, она улыбалась, а могла и расхохотаться громче всех. Ей бы хотелось, чтобы её жизнь шла по шаблонам, и была распланирована. И, кажется, ей было не так важно, кто ей составит этот план: мама, папа, Штольц или Катя. В отличие от Веры, я жалел Штольца. Я не понимал, на что он позарился.

На следующий день, на проходной нас с Егором опять поджидал Штольц. Мы переглянулись.

– Может, случилось чего? – предположил я.

– Что-нибудь с тещей, Штольц? – спросил Егор.

Штольц не ответил Егору. Он пришёл только ко мне; я это понял. Мне даже показалось, что его смущало присутствие Егора. Мы пошли пешком. Штольц начал болтать о пустяках. Потом, вдруг, припомнил какую-то глупую историю с Соломоном, посмеялся и, как бы к месту, вспомнил:

– Кстати, я его с утра встретил. Дедушка, ты что-то скрываешь от нас? Ваш визит в ресторан наделал много шума.

– Не слышал об этом.

– Твоя тётя Света произвела там фурор. Директор лично допрашивал Соломона о вашем банкете и о его знакомстве с тобой.

– Ну, во-первых: тётка не моя. Во-вторых: что значит «наделал много шума»? То, что тётка оставила на чай Соломону пятьдесят долларов?

– Про пятьдесят долларов он не говорил, – улыбнулся Штольц, – он только тётей Светой очень заинтересовался: кто такая, где живёт, где работает. Сказал, что после звонка из Москвы, директор весь ресторан на уши поставил. Звонили очень высокие люди.

– Штольц, я могу понять, что это впечатлило Соломона и всё их заведение общепита, но не могу понять, как это касается тебя.

Штольц не ответил. Он протянул нам пачку сигарет, и мы втроём закурили.

– Штольц, а ты теперь у Соломона на посылках? – спросил Егор. – Этот «Винстон» у тебя не от Соломона случайно? За какие заслуги?

И в самом деле, Штольц всегда курил «Золотое руно», которое ему доставал его отец. Егор правильно связал происхождение «Винстона» с разговором Штольца и Соломона. Штольца вопрос не смутил, но обидел:

– Егор, ты, правда, считаешь, что я могу иметь общие дела с Соломоном за пачку сигарет?

– А что тебя так возмутило, Штольц? Последнее время

все твои разговоры идут в стиле Соломона, как под копирку. Только о связях, бабках и барахле. Разве не так?

Штольц не стал возражать и оправдываться. Дальше мы пошли молча. У Егоркиного дома мы с ним простились. Штольц жил через три дома, но он не завернул к себе, а продолжил идти рядом. Сказал, что ему нужно по делам в мою сторону. Я понял, что ему надо поговорить со мной.

– В последнее время Егор какой-то нервный, – начал Штольц.

– Не замечал, – сухо ответил я.

– Волнуется перед свадьбой, – с глупым смешком продолжил Штольц.

– Не тяни вола, Штольц, – сказал я, – чего хотел?

– Как у тебя дела с Верой? – вдруг спросил Штольц.

– Только не это, Штольц! Из всего многообразия вопросов, что ты мне мог задать, ты выбрал самый тупой?

– А что не так?

– А то, что у меня с Верой нет никаких дел, мы просто живём пока. Представь себе, между мужчиной и женщиной деловые отношения не обязательны. Спросил бы о чём-нибудь значительном, монументальном. Я бы мог тебе рассказать о чём-нибудь вечном: о Боге, о Вселенной, о Времени. Я мог бы рассказать тебе куда уходит детство, в какие города. Да лучше бы ты спросил меня, где пропавшая библиотека Ивана Грозного, я бы не стал от тебя это скрывать.

– И что бы ты ответил?

– Я не брал.

– Всё понятно. Вы с Егоркой взрослеть не собираетесь, – вздохнул Штольц.

– Я и рад бы не взрослеть, но, к сожалению, это неизбежный физиологический процесс. Мы против природы не бунтуем. А по-твоему, как мы должны взрослеть?

– Прежде всего, заниматься взрослыми делами, – заявил Штольц.

– Суетиться с дико озабоченным видом, как все чудилы, которые нахрен никому не нужны? Изображать значительную и активную фигуру?

– Почему изображать? Надо стать действительно кем-то значительным и незаурядным. Разве это не достойная цель? – недоумевал Штольц. – Вы с Егором не хотите понять, что начинается другая жизнь.

Меня начинало подташнивать от поучительной интонации, с какой Штольц преподносил мне свои затасканные жизненные штампы. Я решил не щадить его самолюбия.

– Штольц! Значительным и достойным ты можешь стать уже тогда, когда перестанешь разуваться перед ковриком Ленкиной мамы.

К моему удивлению, Штольц не обиделся. Он самодовольно усмехнулся и сказал:

– Мелкие вещи. Через полгода максимум. Сам увидишь.

Вечером я узнал от Веры, что тётей Светой очень интересовалась Ленка. Вера догадалась, что действовала она по за-

данию Штольца. Я рассказал Вере, что Штолец пытался допросить и меня. Какое-то странное любопытство проявлял Штолец к Светлане Алексеевне. Мне было интересно, что об этом думает Вера.

– Юра нацелен стать деловым человеком. Сейчас он действует в рамках своих представлений о деловитости. Тётя Света, для него, человек со связями. Причем, с такими связями, что знакомство с нею поможет перепрыгнуть Штольцу сразу несколько обязательных ступенек на лестнице к карьерному успеху, – ответила Вера и улыбнулась. – Я думаю, он скоро попросит её московский телефон или напросится на встречу с ней.

– На этой карьерной лестнице, почти на каждой ступеньке, кто-то умер по дороге, кто-то помочился, кто-то испражнился, кто-то наблевал. Я опасаясь за Штольца, как он там будет перепрыгивать.

– Очень образно! Фу! – шутливо возмутилась Вера. – Надо окно открыть.

Как-то утром, Вера показалась мне чересчур весела и энергична. Километраж и скорость её передвижений по дому превышали среднестатистические показатели. Поцелуев, обнимаечек и нежных прикосновений я тоже получил сверх всяких нормативов. Было ясно – её распирает от какой-то радости. Первое, о чём я подумал, что ещё одного признания в любви, я не выдержу. Я осторожно поинтересовался у Веры, что случилось.

– Пока ничего, – загадочно улыбнулась она.

– Пока? И сколько ждать? – я насторожился, я был уверен, что в этот раз точно услышу в ответ: «Девять месяцев».

– Пока не знаю, но думаю скоро.

– Что за событие нам грозит?

– Думаю, папка скоро приедет.

Мне стало спокойнее, и я почти искренне порадовался этой новости.

– Ну, здорово! А он что, звонил или писал?

– Нет, но он точно приедет. Информация от надёжного источника.

– Кто же это?

– Мама, – улыбнулась Вера. – Мне сегодня снилось, что она печёт оладушки.

Её мать всегда знала время, когда отец вернётся из своих дальних путешествий. Он сам никогда не знал, когда окажется дома. Все командировки отца были случайными, не планируемые ни по месту, ни по времени. Он не мог знать, где окажется в следующую минуту. И только его жена, не зная где он, безошибочно угадывала время, когда он будет дома.

Обычно, за несколько минут до появления мужа, Надежда Николаевна начинала печь оладьи. Это считалось не подлежащей сомнению приметой во всём доме. Никто из соседей уже не удивлялся, когда почуяв запах раскалённого подсолнечного масла и плавающих в нем оладушек, долетавшего из квартиры, они, через некоторое время, встречали во дворе

или на лестнице возвращающегося Константина Алексеевича.

Вера ждала мою реакцию на её рассказ. А я не удивился. Я ей сказал, что знаком с таким явлением с детства. Моя бабушка тоже умела предсказывать, когда со стройки Северного газопровода заявится мой дядя. Он тоже приезжал без предупреждения. Только бабушка встречала своего сына не оладушками, а тем, что покупала в магазине водки, чтобы он не ходил занимать её по соседям. По заведённой им традиции, дядя Дима все свои наличные деньги прогуливал в ресторанах Москвы, начиная с аэропорта. Оставлял он только сто рублей, чтобы с шиком подкатить к отчому дому на московском такси.

Женские предчувствия – тема, конечно, занимательная, но меня интересовало другое. Я не знал, сколько у меня времени, чтобы собрать свои вещи и вернуться жить к родителям. Вера похоже и не собиралась говорить со мной об этом. Это её вечное благодушие, думал я. Сам я считал, что моё проживание здесь, вряд ли будет уместно, после появления отца. В конце концов, будь я родителем этой девушки, я бы с порога вытолкнул внашеё такого самозванца, как я. Я гадал, как мне потактичнее сообщить Вере о своём вынужденном переезде.

Я боялся не скандала или физической расправы над собой. Если бы отец Веры решился на это, я был бы ему только благодарен. Этим самым он дал бы мне предлог, для рас-

ставания с Верой. Конечно, у нас уже были договорённости с тёткой о переходе Веры под её опеку, но меня устроил бы и альтернативный план со скандалом. Вот чего я точно не хотел, так это задушевных разговоров с отцом. По рассказам моих друзей, я знал, какой невыносимой может стать беседа с родителями подруги. Вера никогда не заводила со мной разговоров о нашем совместном будущем: когда я думаю сделать ей предложение, как я рассчитываю содержать семью и знаю ли я, какая это ответственность. Но это совсем не означало, что такие разговоры не заведёт её отец. Кто мне мог дать такие гарантии? Я живо представил, как Верин отец в агрессивно-любезной манере заявит мне, что, как порядочный человек, я обязан жениться на его дочери в кратчайшие сроки. Я усмехнулся про себя, представив такую картину, и машинально начал ходить по комнате и собирать свои вещи в сумку. И тут я увидел лицо Веры.

– Ты что, хочешь уйти? – в глазах у неё стояли слёзы.

Как же я испугался за неё. Я и не подумал, что собираясь уйти, могу причинить ей боль. Я бросил сумку, подошёл к Вере и осторожно обнял её.

– Можешь обнять меня покрепче.

Это прозвучало, как вопрос или как предложение, – я не понял.

– Нет, не могу. На тебя сейчас посильнее надавишь, ты мне всю рубашку зальёшь, – я попробовал перевести всё в шутку.

Я придумал несколько нелепых оправданий и, наконец, прибегнул к своему излюбленному приёму – переложил всю вину на самую Веру. Я сказал, что воспринял новость о приезде отца, как намёк на то, что мне пора выметаться. Вера слабо улыбнулась и сказала, что впервые видит такое проявление глупости с моей стороны. Я так обрадовался её улыбке, что охотно согласился на то, что, оказывается, и я могу допустить глупость. Иногда. Очень, очень редко.

Вера продолжила домашние дела. Но в её движениях уже не было прежней лёгкости. Она волновалась. И ещё бы ей не волноваться. Основанием, для её волнений был сон. Можно прибавить: «всего лишь». Мало ли кому, какие сны снятся. Сон – это же не оформленный и зарегистрированный документ, обязательный к исполнению. Кто-то и внимания не обращает на свои сны. Все ночные видения они забывают ещё до звонка будильника. Некоторые вообще не видят снов, и ничего – как-то живут. Но я очень хорошо понимал Веру. Я всерьёз относился к сведениям, полученным из некоторых своих снов. Ну, вспомнить хотя бы то, что Веру я впервые увидел во сне.

Время уже было вечернее. Вера сидела с открытой книгой, но в книгу не смотрела. Конечно, я должен был как-то успокоить её, поддержать. Но я этого никогда не умел. Мне всегда казалось, что начини я всерьёз говорить слова сочувствия и утешения, это будет выглядеть нелепо, неискренно и даже смешно. Все знали, что поглумиться вслух над любы-

ми проявлениями чувств героев кино и литературы, а иногда и общих знакомых – было моим излюбленным занятием. Придумать, как мне растормошить Веру, я не мог. Я просто начал говорить, что под руку попадётся, вернее, что слетало с языка.

– Вера! – неожиданно громко заговорил я. – А что же это ты развалилась тут, как барыня?

Вера уставилась на меня, не понимая, чем вызван такой резкий тон. Она отложила книгу и развернулась в мою сторону. Я не меняя придирчивой интонации продолжил:

– Даже я, со своей дырявой памятью, отлично помню, что сегодня с утра зашла речь об оладьях. И где они? Что-то ими и не пахнет. Или ты считаешь, что я должен ими заняться? Хорошо, я готов. Пойдём на кухню, покажешь, где там у тебя мясорубка, перец и лавровый лист. Я сейчас тебе таких оладьев накручу, – обалдеешь.

Вера всё поняла, улыбнулась одними глазами и подошла ко мне. Я взял её за руку и потянул на кухню. Я сел в уголок и делал всё, чтобы оживить процесс приготовления оладьей. «Я не так муку просеиваю. Это же мука?», «Подкинь ещё ложечку песка, не жмись», «Попробуй мешать против часовой стрелки», «Мы до перца дойдём когда-нибудь?» и всё в этом же духе. Мои ценные советы вернули Вере энтузиазм и решительность. Она даже пару раз шлёпнула мне по руке, когда я пытался вмешаться в процесс. Единственное, что она разрешила мне, это зажечь конфорку и водрузить на неё чу-

гунную сковородку. А это, я сказал, уже половина дела.

Как только Вера налила на сковородку подсолнечное масло, снизу мы услышали стук в дверь. У меня провалилось сердце. Вера, похоже, испытала то же самое. Оказалось, что к чуду, в котором я убеждал Веру, я сам не был готов. Но я постарался выглядеть невозмутимым, когда пошёл открывать дверь.

– С оладушками не задерживай, пожалуйста, – обернулся я к Вере на пороге.

Я спустился к входной двери, не дольше пяти секунд. Но за это время в моей голове пронеслись десятки мыслей. Была вероятность, что за дверью окажется кто-нибудь другой, а не отец. Мне было приятно, что чудо, которое ждала Вера, сейчас, возможно, произойдёт. Я тоже поспособствовал осуществлению этого чуда, мне было приятно. И в то же время, я уже не хотел этой встречи. Я взывал к Небесам, чтобы они отмотали этот фокус с оладьями назад. Я не был готов знакомству с этим человеком. И вообще, я только в этот миг понял, что его приезд должен изменить весь привычный ход моей жизни в этом доме.

Я подошёл к двери и поднял крючок. С улицы уверенно шагнул мне навстречу отец Веры. Я сразу узнал «предводителя пиратов».

– Здравствуйте, Константин Алексеевич!

– Привет, Саня! – протянул мне руку отец.

Он понял, что я удивлён, откуда он меня знает, и сразу

объяснил, что возвращался через Москву и созванивался с сестрой. Тётя Света рассказала ему про меня. Как я понял, характеристику она мне дала положительную.

Мы поднимались по лестнице, отец Веры шёл впереди. Из приоткрытой двери квартиры в коридор просачивался запах оладий. Константин Алексеевич повернулся ко мне. Лицо его осветилось счастливой догадкой: «Неужели?».

Вера стояла у плиты с лопаткой для блинчиков в руке. Константин Алексеевич замер в дверях.

– Ты красавица, дочь, – восхищённо прошептал Константин Алексеевич. – Привет!

– Папка! – Вера обняла отца и поцеловала в щёку.

Мне понравилось, как они встретились. В этих нескольких секундах было настоящее. То, что не надо озвучивать. В моей семье тоже было не принято славословие по поводу родственных чувств. Хотя сам я много раз становился свидетелем бурных встреч знакомых и незнакомых мне людей, которые они превращали в настоящее представление. Иногда, два-три чересчур эмоционально встречающихся родственника, своим визгом, завываниями и выкриками, способны заглушить цыганский табор, который рядом уже окружил простака без критического мышления и с лишними деньгами.

Мы уселись за стол. Моё смущение в присутствии отца, Вера нейтрализовала тем, что выставила на стол бутылку тёткиного вина. Знала, чем меня поддержать. Я поделился сво-

ими догадками, какие травы присутствуют в вине. Я назвал: мяту, чабрец и ваниль. Константин Алексеевич смог меня удивить тем, что выпив всего одну стопку, он со стопроцентной уверенностью заявил, что в составе присутствуют: полынь, череда, мёд, корица и бергамот. Я с ним согласился, кроме бергамота. Потому, что не знал, что это за трава. Позже, оказалось, что это и не трава.

Картиной этого застолья, я думаю закончить моё третье письмо. Думаю, впереди будут и четвёртое, и пятое.

Общая тетрадь

Здравствуй! Я решил продолжить своё послание в будущее не в письмах, а в этой тетради. Так будет проще рассказывать мою историю. Я же не могу сейчас знать, когда и на чём она прервётся. Тем более, что некоторые значительные перемены в моей жизни происходят прямо сейчас, когда я пишу эти строки. Не знаю пока, и стараюсь не задумываться, что ждёт меня. По правде говоря, мне надоело гадать, слишком много сил это отнимает. Я почти избавился от страха за эту жизнь. Мне важнее подготовиться к следующей.

С приходом Константина Алексеевича, начались те чудеса, которым я был свидетелем, а иногда и соучастником. Отец Веры понравился мне сразу. Уже одно то, что он в течение всего вечера ни разу не затронул тему моих отношений с Верой, вызывало у меня чувство благодарности. У меня точно не было подходящих ответов. И уж тем более, я не смог бы раскрыть ему всей правды и как я вижу наши отно-

шения с Верой в будущем.

Константин Алексеевич располагал к себе тем, что в его рассказах всегда присутствовала самоирония. Не с позиции самоуничижения, а с позиции осознанной самокритики. Он умел извлечь забавные выводы из своих ошибок. Ещё мне понравились их отношения с Верой. Константин Алексеевич никогда не обращался к дочери с высоты своего родительского авторитета. Скорее, дочь была для него авторитетом.

Со мной Константин Алексеевич говорил просто, без наигранности. В отличие от меня. У меня, в первых разговорах с ним, постоянно вылезали фразочки с претензией на великосветское воспитание. Иногда, аристократические ужимки выпирали у меня с перебором. Константин Алексеевич умело переводил такие моменты в шутку. Меня он попросил общаться на «ты» и называть его по имени. Это далось мне не сразу.

Первые дни, после приезда отца, в доме постоянно торчали какие-нибудь гости. Каждый день я натыкался на одного из тех, кого я видел на поминках Надежды Николаевны. Кроме полковника и его жены. Эта парочка приходила ежедневно, без прогулов. Всё это больше напоминало паломничество. Смахивало на деятельность какой-нибудь секты. А духовным гуру, конечно, являлся Константин Алексеевич. Это подтверждалось ещё и тем, что все посетители приходили с всевозможными дарами: пакетами, банками, коробками.

В один из дней в гости заглянул сосед-алкоголик. В квартиру он заходить категорически отказался и вызвал Константина Алексеевича в коридор для разговора. Я вышел в это время покурить и смог присутствовать при их разговоре.

Разговор мне показался странным. Дело в том, что по закону, из проживающих в квартире, только Вера имела право на новое жильё. Отец прописан не был. Им полагалась или комната в коммуналке, или, в лучшем случае, квартира в малосемейке. Сосед-алкоголик предлагал Константину Алексеевичу и Вере свою новую квартиру и уверял, что она ему совершенно не нужна.

Это уже точно походило на сектантство. Я пришёл в замешательство. Выпечку, соленья, варенья, сушёные грибы и прочие продукты, которые приносили в дом прилежные «сектанты», ещё можно было как-то объяснить, но квартира в дар – это всё-таки другой уровень, несопоставимый с консервированными продуктами, какими бы вкусными они не были. Было бы понятно, если бы Виталик предлагал квартиру в пьяном разговоре, но в этот раз он был совершенно трезвым, даже не с похмелья. Его предложение о квартире было обдуманном, он приводил какие-то свои доводы.

Отец слушал Виталика не перебивая. По его лицу я не мог понять, что он думает о предложении соседа. Выражению его взгляда можно было приписать, что угодно: и самодовольство, и смирение, и коварство, и простодушие, и властолюбие, и дружелюбие. Эта неопределённость заставила меня

насторожиться. Душевное состояние и некоторые фразы Виталика напоминали поведение человека, который готовится к самоубийству. Я начал подозревать, что Виталик стал жертвой какого-то скрытого воздействия со стороны отца.

– Виталий! – вдруг заговорил Константин Алексеевич. – Ты же не за этим пришёл. Пошли, чайку попьём.

Константин Алексеевич положил руку на плечо Виталика, и тот сразу обмяк. Словно из него целиком извлекли позвоночник. Виталик беспомощно оглядывался в мою сторону. Возможно, он ждал от меня поддержки. И кажется, ему действительно грозила опасность. В этот момент, я подумал о кочерге из котельной. Неплохо было бы иметь её под рукой, на всякий случай.

Вынужденный разговор за столом шёл о пустяках. Когда Вера разлила чай, Константин Алексеевич рассказал нам, что путешествуя по тайге, научился пить чай прямо с костра. Он сделал пару глотков, можно сказать, – кипятка, – из чашки и резко обратился к Виталику:

– Виталик! Ты же знаешь, что я могу тебе помочь!

– Знаю, Алексеич. Видал твою работу, – на лице Виталика выступил пот. – Но я сам хочу, понимаешь. Сам.

Я не знал о чём они. И моя неосведомлённость привела меня, куда и должна была привести, – на мрачную конспирологическую сторону. Константин Алексеевич вмиг перевоплотился, для меня, из романтического пирата в хитроумного гения криминального мира. Уже одного того, что он, как и

профессор Мориарти, занимался математикой, было для меня достаточным признаком. Я поразился, как моя неожиданная догадка расставила всё на свои места. Теперь я знал точно, почему Константин Алексеевич не хотел жить в Москве, он опасался преследования милиции. Его странные командировки без определённых сроков прекрасно укладывались в мою версию. Выходило, я в одну минуту раскусил всю его преступную схему: он планировал идеальные преступления, его подельники проворачивали дело и, на время расследования, он скрывался в глухих таёжных краях. И вот почему Вера так испугалась, что я уйду и оставлю её один на один с этим преступным комбинатором.

Я покрылся испариной. Теперь я был уверен, что разговор у отца и Виталика шёл о самоубийстве Виталика. Я ещё раз вспомнил о кочерге. Я посмотрел на Веру. Она выбирала с каким вареньем ей начать пить чай. Бедняжка. Возможно, она не догадывалась о тёмной стороне жизни своего отца. Какой будет для неё удар, когда мне придётся открыть ей глаза на двойную жизнь её отца.

Пока я мысленно накручивал себя на предстоящий поединок с серым кардиналом уголовного мира, разговор отца с его потенциальной жертвой каким-то образом переменялся. Виталик уже не напоминал жертву; он выпрямил спину, улыбался и энергично поглощал варенье и выпечку. Я вслушался в их разговор.

– Виталик, могу тебя порадовать, – улыбался Константин

Алексеевич, – очень скоро жди гостей. Ты уж подготовься.

– Гостей? Так она что, не одна заглянет? – немного растерялся Виталик.

– Вот чудак! А сына-то она вашего куда денет? В камеру хранения его сдать прикажешь? – спросил Константин Алексеевич и заговорщицки подмигнул мне.

Я сидел как хамелеон в засаде; одним глазом я наблюдал за злодеем, другим – за его добычей. Виталик двумя руками медленно поставил свою чашку на стол. Он криво улыбнулся. То, что Виталику ничего смертельного не грозит, я уже догадался, но о чём шла речь, я не знал. К тому же, в этот момент, из глаз Виталика хлынул поток прозрачной жидкости. Я думаю, если бы Виталик держал чашку не на столе, а подставил бы её к своему подбородку, чашка бы наполнилась меньше, чем через минуту.

Вера сидела счастливая и весело переглядывалась с отцом. Отец ерошил волосы Виталику и повторял:

– Запомни! Запомни, Виталик, эти слёзы. Помни их всегда. Всё будет хорошо, пока ты будешь помнить... Пойдём к полковнику?

– К Дим Димычу? Идём.

Вера убирала со стола. С её лица не сходила блаженная улыбка. Меня, конечно, распирало желание узнать, что же здесь сейчас было. Но у меня было правило никогда не показывать другим, что мне может быть что-то непонятно или неизвестно. Наоборот, я всегда старался показать, что мне

известно чуть больше, чем я могу об этом говорить. Очень практичная стратегия. Изображая чрезвычайно осведомлённого человека, можно узнавать настоящие секреты.

Поговорить нам с Верой не дали. В гости пришли Катя и Лена, в сопровождении своих матримониальных жертв, Штольца и Егора. Я удивился, когда услышал, что пришли девчонки не к подруге. Они хотели поговорить с Константином Алексеевичем. Когда я с друзьями вышел покурить в коридор, я узнал от них ещё более удивительную подробность. Девчонки пришли к Константину Алексеевичу как к колдуну. Я сделал смачную затяжку, и это помогло мне скрыть моё замешательство. Я даже смог изобразить недоумение, что друзья до этого дня не знали, что Верин отец является действующим колдуном. Но дальше этого разговор не пошёл.

Кажется, девчонкам жизненно необходимо было поговорить с «колдуном». Они прождали Константина Алексеевича до полуночи. Ко всему прочему, они без стеснения поглощали «сектантские» дары. А многие из них я ещё сам не успел попробовать. Мне удалось выпроводить подруг, только тогда, когда я догадался им шепнуть, что Вера, дочь «колдуна», ужасно устала, что ей надо выспаться и что я постараюсь договориться с «колдуном», чтобы он их принял в другое время. Девчонки ушли без возражений. Кажется, этим я заработал ещё несколько высоких баллов.

Всю ночь я не мог заснуть. Я переваривал информацию, полученную за этот день. Ничего себе – угодил я в семей-

ку. Сначала я подозревал Константина Алексеевича в принадлежности к криминальным кругам, а потом он оказался представителем сверхъестественных сил. Интересно, почему тётя Света об этом мне не говорила. Может, сама не знала, а может, не хотела меня спугнуть. Я стал вспоминать записи отца, которые мне давала читать Вера. Что-то я не встречал там хоть что-нибудь о колдовстве или магии. Я рассмотрел все возможные варианты своего будущего, учитывая изменившуюся обстановку. Перечислять все мои страхи я не буду. На них у меня ушла вся ночь. Я заснул только под утро.

Утром я вышел на работу, но на работу не пошёл. Я дождался, когда, по времени, Вера должна уйти в институт, позвонил на работу и отпросился, сославшись на острую боль в области желудка. Директор наш, следуя моде той поры, был убеждённым демократом, поэтому сразу выдал мне отгул и стал горячо настаивать, чтобы лично привезти мне все необходимые лекарства. Я убедил его не делать этого только тогда, когда напомнил ему, что у меня мама – медик.

Я вернулся на Нариманова. Константин Алексеевич что-то писал в тетрадку на кухонном столе. Вера, наверняка, уже рассказала отцу о вчерашнем визите девчонок. Но я всё равно начал разговор с ним именно о визите девчонок к нему, как к колдуну. Он посмеялся, но ничего не стал объяснять. Тогда я напрямую заговорил о том, что всё происходящее в доме, после его приезда, напоминает деятельность какой-то секты. Он подумал и произнёс:

– Слушай-ка, очень даже похоже, со стороны. Светик так же думает. Сестра.

– А это не так? – улыбнулся я в свою очередь.

– Знаешь, это зависит от того, кто на это смотрит.

– Я, например, смотрю и не понимаю. А я простой человек. В церковной инквизиции точно не состою.

– Что ты хочешь узнать?

– Хотелось бы узнать правду. Разве можно хотеть чего-то другого? – недоумевал я.

– Да вот, видишь ли, в чём дело, правда, у каждого своя. Выражение избитое, но, кажется, похоже на правду.

– Не соглашусь. Есть общая правда, для всех.

– Да. Есть только одна неоспоримая правда – всё в мире идёт по космическим законам.

– Вряд ли. Всё у нас идёт по законам, которые сочинили не совсем умные люди.

– Вот от этого все беды.

Я спорить не стал. Я стал слушать. Константин Алексеевич отвечал на мои вопросы, которые вслух я не произносил. Он уже знал, что я хочу спросить.

То, что он рассказывал мне, не было для меня, совсем уж, открытием. Многие из того, что он рассказывал, я уже когда-то встречал в книгах или обсуждал с друзьями. Константин Алексеевич говорил со мной не как апологет какого-нибудь учения, а как исследователь. Он не злился, когда я что-то не понимал, а старался объяснить то, что я не понял, дру-

гими словами. Если бы он был по-настоящему предводителем секты, я стал бы сектантом после этого разговора.

Всё, что происходит в мире, происходит по неизменному Закону. Автор этого Закона – Бог. И сам Бог действует в рамках этого Закона. Всё в этом Мире течёт и изменяется по этому Закону. Есть только две силы, которые влияют на поток Жизни. Это – Бог, и сущности, которым Бог дал свободу воли. Одна, из этих сущностей – Человек. Ни Человек, ни даже Бог не могут изменить Закон. Как бы Человеку этого не хотелось. Основа Закона проста – это гармония.

Почему с моими друзьями мы никогда не говорили на такие темы серьёзно? У нас иногда и заходили разговоры и о Боге, и о Космосе, и о Человеке, но очень быстро эти разговоры скатывались в ироническую сторону. Егор говорил, что с нашими куцыми мозгами и напыщенностью, мы не должны касаться таких тем. И если туда полезем, то всё равно ничего не поймём, только станет страшнее жить. Штольц утверждал, что для него нет никакого секрета. «Наша жизнь – это путь из чрева матери к матёрым могильным червям. Стандартный червячный механизм» – говорил он.

Я каждый день искал возможность продолжить разговор с Константином. Мне было интересно его мнение по многим вопросам. Но это было очень затруднительно. В доме постоянно топтались какие-нибудь гости. Некоторые засиживались допоздна, а гости из других городов могли остаться с ночёвкой. Против визитов бывших соседей я претензий не

имел; они особо не засиживались и приносили с собой всякие вкусности, в отличие, скажем, от гостей из столицы. Гости из Москвы были самыми мутными на мой взгляд. Мне кажется, некоторые из них приезжали только для того, чтобы истребить, как можно больше, продуктов, принесённых соседями, и поспорить с Константином. В качестве своих аргументов, они высыпали такое количество мудрёных слов, что по дому ходить было невозможно. Нет-нет, да и споткнёшься о какой-нибудь «диффузионизм» или «пролегомены».

Константин никогда не возражал, чтобы мы с Верой присутствовали при его разговорах с гостями. И я заметил, что с бывшими соседями, Константин ведёт себя более обходительно, чем с учёными гостями, которые с ним вели научные споры. Я, честно говоря, не понимал тогда, что человеку с его образованием интереснее разговаривать с пенсионерами, простыми работягами и даже с алкоголиками, чем с докторами наук.

Очень часто моя самоуверенность и моё самомнение не пускали меня на простые пути. Я почему-то предпочитал дорогу в обход, со множеством преград. Но иногда ум мой прояслялся. До меня дошло, наконец, что многие непонятные явления, мне может прояснить Вера.

Прежде всего, я хотел знать, почему её подруги пришли к Константину как к «колдуну». Вера рассказала мне занятную историю.

Поначалу Катя и Лена дружили с ней не так активно, как

теперь; Вера была только «внучкой академика». С ними в институтской группе училась девушка с незавидной судьбой. «Её жизнь была сплетена из несчастий», – сказала Вера. Отец у неё умер, когда ей было семь. Мать начала болеть, когда девушка поступила в институт. Матери был нужен постоянный уход, и в учёбе появились трудности. Вскоре мать умерла. На втором курсе, после первого семестра её собирались отчислить. Заступиться за девушку было некому. Вера попросила отца поговорить о ней с деканом. Катя и Лена об этом знали и решили поглазеть, что из этого будет. После лекций они остались с Верой и той девушкой ждать Константина Алексеевича. Вопреки ожиданиям подруг, Константин не направился в деканат, а взял ту девушку за руку и подвёл к окну. Он взглянул на неё и сказал: «Всё у тебя будет хорошо. Институт тебе не нужен. Вот держи». Константин достал из кармана кожаные, на меху, варежки с причудливым узором, который был вышит на тыльной стороне. «Мне их дал один колдун. Сказал, они должны помочь хорошему человеку. Тебе помогут».

Подруги расходились разочарованные. Они, конечно же, ждали не этого. Но через неделю они изменили своё мнение. Когда Катя и Лена сидели в гостях на Нариманова, к Вере зашла та девушка. Пришла не одна, а с молодым человеком. Оказывается, в тот день, когда отец Веры подарил ей варежки, она шла домой, уже решившись на самоубийство.

На своей улице, рядом со своим домом она увидела мо-

лодого человека. Он был одет в форму курсанта военного училища. Застала его девушка за странным занятием. Курсант разгребал снег вдоль тропинки голыми руками в поисках чего-то, судя по всему, важного. Девушка посмотрела на его замёрзшие руки и протянула ему варежки, подаренные Константином Алексеевичем. Завязался разговор. Молодой курсант приехал в отпуск домой. Когда он доставал носовой платок, вместе с платком зацепились ключи от дома, и курсант не сразу заметил, как они упали в снег. Ключей он так и не нашёл. Девушка предложила подождать, пока не вернутся его родители, у неё. Посидели, попили чаю, поговорили. Когда курсант вечером ушёл домой, девушка опять стала думать о смерти. Она ещё подумала, что варежки колдуна действительно помогли хорошему человеку, а ей уже ничего не поможет.

Её невесёлые мысли прервал звонок в дверь. На пороге стояли тот самый курсант и его отец. Молодой человек протянул ей варежки, а отец пригласил её в гости. Возражений его отец не принимал. Жили они через два дома от неё. Эта семья вернула девушке желание жить. Её сразу полюбили все члены семьи. А сейчас они с молодым человеком забежали к Вере, чтобы поблагодарить Константина Алексеевича за варежки. Но отца уже не было в городе – очередная внезапная командировка.

На Катю и Лену эта история произвела сильное впечатление. Им тоже приспичило найти свою судьбу. Вернее, жела-

ние возникло у Кати, а Лена, почти сразу, стала желать того же. С этого времени они стали дежурить в доме Веры в ожидании приезда отца. И однажды они его всё-таки подкараулили. Они застали Константина на выходе из дома; он уже собрался в новую долговременную командировку. Катя и Лена вцепились в его рюкзак и изложили ему просьбу подыскать им суженных-ряженных. Константин рассмеялся и сказал им, что они и сами справятся уже сегодня. Пусть посидят и попьют чайку с Верой, а по дороге домой кто-нибудь да подвернётся. Девчонки, конечно, не поверили и обиделись, решив, что Константин Алексеевич просто хочет от них отвязаться. Но, к сожалению, всё так и случилось. В роли суженных-ряженных им в тот день подвернулись мои друзья.